Очерк народ.
русск. побер.
Тихого океана.

E 91/35

С 91.
35.

ОЧЕРКЪ ИНОРОДЦЕВЪ

РУССКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ

ТИХАГО ОКЕАНА

А. А. РЕСИНА

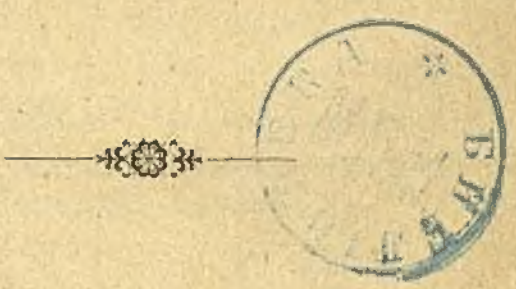
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1888

ОЧЕРКЪ ИНОРОДЦЕВЪ

РУССКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ

ТИХАГО ОКЕАНА

А. А. РЕСИНА



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1888

2007056065

ОЧЕРКЪ ИНОРОДЦЕВЪ
РУССКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ ТИХАГО ОКЕАНА.

А. А. Ресина.

Первою заботою генералъ-губернатора вновь выдѣленнаго изъ состава Восточной Сибири Приамурскаго генералъ губернаторства было возможно полное ознакомленіе со всѣми сторонами жизни этого обширнѣйшаго края. Съ этою цѣлью, кромѣ личнаго объѣзда и созыва въ январѣ 1885 г. съѣзда представителей администраціи, торговли и другихъ въ г. Хабаровкѣ, генералъ-губернаторъ въ мѣста болѣе отдаленныя командируетъ лицъ состоящихъ при немъ. Въ числѣ такихъ случилось быть и мнѣ.

До послѣдняго времени всѣ оффиціальныя свѣдѣнія о жизни нашего крайняго сѣверо-востока ограничивались отрывочными донесеніями командировъ военныхъ судовъ, изрѣдка крейсировавшихъ вдоль побережья Чукотскаго полуострова. Сравнительная непродолжительность времени, проведеннаго на сѣверѣ, и неимѣніе надобности входить въ частыя сношенія съ обитателями его естественно не давали командирамъ крейсеровъ возможности болѣе обстоятельно познакомиться съ жизнью населяющихъ край инородцевъ.

Въ отчетахъ командировъ говорилось, что большая часть чукчей говоритъ по англійски, говорилось о промысловой и торговой дѣятельности американцевъ у всего нашего сѣвернаго побережья; оцѣнивая эту дѣятельность, приходили даже къ выводамъ, что изгнаніе иностранцевъ изъ предѣловъ нашихъ водъ равносильно обреченію инородцевъ на голодную смерть.

Такой характеръ отчетовъ естественно долженъ былъ оказывать вліяніе на неопредѣленность инструкцій, даваемыхъ командирамъ крейсеровъ, а какъ слѣдствіе этого и на нерѣшительность дѣйствій ихъ при встрѣчахъ съ иностранными хищническими судами.

Такимъ образомъ, de facto иностранцы владѣютъ нашимъ Сѣвероиъ, русскіе же предприниматели, не рискуя выдержать съ ними торговой конкурренціи, не отваживаются предпринять дѣла въ такомъ отдаленномъ уголкѣ, а между тѣмъ барыши, получаемые съ него иностранцами, не были тайной и для русскихъ.

И вотъ весною 1885 года владивостокскій купецъ г. Линдгольмъ снарядилъ свою китобойную шхуну „Сибирь", снабдилъ ее товарами для опыта торговли съ инородцами Сѣвера и отправилъ ее съ инструкціею обойти все побережье Камчатки и, если бы оказалось возможнымъ, дойти до мыса „Сердце Камень" въ Ледовитомъ Океанѣ.

На этой же шхунѣ, по распоряженію генералъ-губернатора, отправился и я съ цѣлью привезти возможно полную картину жизни Сѣвера.

Плаваніе отъ Владивостока до Караги. 7-го мая 1885 г, въ 4 часа дня снялись мы съ якоря и дали ходъ машинѣ.

Китобойное судно, на которомъ намъ предстояло совершить свое плаваніе, обладая прекрасными морскими качествами, не имѣло, конечно, ничего, чтобы хотя съ нѣкоторымъ комфортомъ обставить свою жизнь на немъ. Это была двухмачтовая шхуна 92 фута длиною и 21 ф. шириною; на ней была небольшая машина, которая хотя уже была нѣсколько порасходована и хотя отъ времени до времени и приходилось запирать деревянными пробками прогорѣвшія дымогарныя трубки, но все таки дѣлала свое дѣло, давая шхунѣ во время штилей ходъ отъ 1 до $1^1/_2$ миль въ часъ.

Командовалъ шхуной капитанъ Чекъ, старый опытный морякъ финляндецъ. Онъ плаваетъ уже 36 лѣтъ и изъ нихъ исключаетъ только 6, проведенные имъ въ общей сложности за все это время на берегу, остальныя же 30 лѣтъ прожилъ онъ въ морѣ. Немудрено, что при такихъ условіяхъ море стало его сферой. Много плававъ за границей, онъ хорошо познакомился съ англійскимъ языкомъ, но за то слабое знаніе русскаго языка дѣлало бесѣды съ нимъ довольно затруднительными. По той же причинѣ приходилось не рѣдко лишать себя собесѣдничества перваго помощника капитана,

весьма симпатичнаго, интеллигентнаго молодого американца м-стра Линкольна, который раньше командовалъ арестованною клипером„ „Разбойникъ“ американскою шхуною „Софія Джонсонъ“. Онъ только одну зиму провелъ во Владивостокѣ и, конечно, весьма своеобразно объяснялся на русскомъ языкѣ. Обязанности второго помощника капитана несъ неутомимый труженикъ, благодаря своему всегда добросовѣстному отношенію къ дѣлу, вышедшій изъ простыхъ матросовъ коммерческаго судна.

Команда шхуны „Сибирь“, считая повара и боя (мальчика-слугу) состояла изъ 16 человѣкъ. Тутъ были русскіе: отставной солдатъ, матросъ, прикащикъ; были китайцы, кореецъ, японецъ, американецъ, и не смотря на такой разнохарактерный составъ и на то, что многіе лишь въ первый разъ были въ морѣ, работы на суднѣ шли всегда хорошо. Правду сказать—первый штормъ намъ пришлось выдержать уже на обратномъ пути, когда команда достаточно привыкла къ своему дѣлу, но все таки надо отдать полную справедливость командиру и его помощникамъ, ихъ знанію дѣла и умѣнію держать въ рукахъ команду.

Изъ Владивостока мы взяли курсъ на Сангарскій проливъ и въ ночь на 13 мая бросили якорь передъ входомъ на рейдъ города Хакодате.

Городъ Хакодате носитъ тотъ же общій характеръ, свойственный всѣмъ японскимъ городамъ: тѣ же шоссированныя улицы, тѣ же миніатюрные домики легкой японской постройки, не смотря на то, что здѣсь зимою иногда выпадаетъ довольно много снѣгу, та же поразительная чистота въ домахъ и на улицахъ, но улицы послѣ пожара города теперь значительно уширены. Въ городѣ есть общественный садъ, музей, который пока, правда, имѣетъ видъ только лишь зарождающагося.

Обойдя почти весь городъ, я посѣтилъ католическую миссію. Два француза ксендза разсказывали о дѣятельности нашей православной миссіи въ Японіи; по ихъ словамъ, всѣхъ православныхъ считается около 8 тысячъ человѣкъ.

Маленькая православная церковь, бывшая прежде посольская, производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Священника-японца не было дома: онъ былъ въ объѣздѣ своего прихода; меня приняли два прислужника, изъ которыхъ одинъ довольно порядочно и говоритъ, и пишетъ на русскомъ языкѣ.

Въ гостинницѣ, гдѣ я останавливался, хозяинъ-японецъ также говоритъ по русски. Мы отправились съ нимъ въ канцелярію губер-

натора, гдѣ я познакомился съ правителемъ ея г. Фтацки, долго состоявшимъ въ японскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

Въ Хакодате шхуна должна была пополнить запасы провизіи, воды и угля. Къ вечеру 14-го мая все это было принято на судно и на разсвѣтѣ 15-го мы двинулись далѣе на востокъ по Сангарскому проливу, а затѣмъ на сѣверъ къ Петропавловску.

На девятый день плаванія показался наконецъ дымящійся островокъ Матуа, принадлежащій къ Курильской грядѣ, а черезъ 2 недѣли по выходѣ изъ Хакодате, вечеромъ 27-го мая, на смѣну однообразной перспективы моря, стали вырисовываться какъ бы изъ за воздушной завѣсы очертанія высокихъ береговъ полуострова Камчатки.

Прошло еще только 3 недѣли со дня выхода изъ Владивостока, а несмѣняемость картины передъ глазами и монотонность жизни на суднѣ, разнообразящейся чтеніемъ, прогулками по палубѣ и качаніемъ помпы для моціона уже успѣли сказаться. Съ какимъ то особеннымъ любопытствомъ слѣдишь и разсматриваешь приближающійся материкъ. Но не отрадное впечатлѣніе произвелъ бы онъ при другой обстановкѣ: остроконечныя вершины, какъ бы насаженныя одна на другую и почти сплошь покрытыя снѣгомъ, усѣиваютъ голые, гористые берега, лишенные всякихъ признаковъ жизни На морѣ, не смотря на близость порта, также никакого движенія и только встрѣчающіеся морскіе котики свидѣтельствуютъ о сравнительной близости Командорскихъ острововъ.

По словамъ спутника нашего, возвращавшагося домой крестьянина, такъ же монотонна вся жизнь въ Камчаткѣ. Но вотъ, мы вступаемъ въ Авачинскую губу, а за нею въ бухту того же имени, въ глубинѣ которой, на берегу гавани, отдѣленной низкой кошкой и расположенъ городъ Петропавловскъ.

Судну, приходящему съ моря, прежде всего открываются три пакгауза, вынесенные впередъ за кошку, отдѣляющую гавань Петропавловскую отъ бухты Авачинской. Пакгаузы эти принадлежатъ Русско-Американской Компаніи, въ рукахъ которой котиковый промыселъ на Командорскихъ островахъ. За пакгаузами выступаетъ куча маленькихъ лачужекъ, желтѣющихъ своими соломенными крышами; нѣсколько хорошенькихъ бѣленькихъ домиковъ съ красными крышами, двѣ церкви и часовня на братскихъ могилахъ какъ бы набросаны на этомъ общемъ фонѣ.

Высокія горы подковою съ трехъ сторонъ обхватываютъ городъ. Таковъ общій видъ его. Когда мы входили въ гавань, на рейдѣ

стояли пароходъ Русско-Американской Компаніи „Александръ“ и трехмачтовый американскій баркъ „Генри Бёкъ“.

На встрѣчу намъ вышелъ вельботъ съ гребцами въ шапкахъ съ краснымъ околышемъ: то былъ мѣстный исправникъ съ командой камчатскихъ казаковъ, съ нимъ вмѣстѣ прибыли на судно агентъ Американской компаніи г. Люгебиль и представитель мѣстнаго купечества г. Сандалинъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій наши гости, конечно, прежде всего поинтересовались освѣдомиться о текущихъ событіяхъ, о которыхъ они имѣютъ возможность знать только изъ одной зимней почты, приходящей въ Камчатку сухимъ путемъ, одной лѣтней — на пароходѣ Филиппеуса и кромѣ того слѣдить за ходомъ жизни на родинѣ по новостямъ, привозимымъ изрѣдка заходящими сюда нашими военными судами или судами американскими.

Въ Петропавловскѣ мы предполагали провести нѣсколько дней. Исправникъ Сергѣй Афанасьевичъ Херсонскій весьма любезно предложилъ мнѣ у себя помѣщеніе; предложеніе это было, конечно, болѣе чѣмъ пріятно, и въ тотъ же день я переселился къ нему, встрѣтилъ самый радушный пріемъ и вошелъ въ жизнь города.

Общество, состоящее, впрочемъ, только изъ трехъ семействъ, доктора Ѳедорова и г. Сандалина, но увеличившееся съ приходомъ трехъ судовъ, теперь стоявшихъ на рейдѣ, собиралось не рѣдко вмѣстѣ, и десять дней, проведенные въ Петропавловскѣ, прошли незамѣтно.

Въ то время какъ шхуна наша нагружалась дровами въ Тарьинской бухтѣ, мы осмотрѣли городъ и познакомились съ окрестностями его: посѣтили остатки, такъ называемыхъ, солеваренныхъ заводовъ и населенную казаками подгородную деревню Сѣроглазку. Казаки эти, повидимому, живутъ довольно зажиточно. Маленькая, правда, избушка, въ которую мы зашли, раздѣлена перегородкою пополамъ, стѣны оклеены обоями, украшены картинками и фотографическими карточками. Хозяйка предложила намъ чай, молоко и бѣлый хлѣбъ. Конечно, это болѣе зажиточные, но во всякомъ случаѣ пригородные казаки не бѣдствуютъ такъ, какъ камчадалы и русскіе крестьяне, живущіе внутри страны. Казаки получаютъ казенный паекъ и занимаются промыслами, какъ и остальная часть населенія, а чтобы служба не отвлекала ихъ отъ хозяйственныхъ занятій, даже такой постъ, какъ часовой у порохового погреба, ставится на цѣлые сутки. Конечно, это не болѣе какъ сторожъ, однако, когда мы въ первый разъ проходили мимо этого погреба, часовой

былъ одѣтъ въ форму, которую казаки обыкновенно не носятъ и, отдавая честь, весьма отчетливо продѣлалъ ружейные пріемы.

Камчатскіе казаки находятся въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и подчинены исправнику, командуетъ ими офицеръ, производимый изъ тѣхъ же казаковъ. Всего въ Камчаткѣ 50 человѣкъ казаковъ и они раздѣлены на три отряда: въ Петропавловскѣ, Тигилѣ и Усть-Камчатскѣ. Вооружены они 6 линейными, съ дула заряжающимися винтовками. Форма одежды имѣетъ казачій покрой съ вырѣзными красными клапанами на воротникѣ и шароварахъ изъ сѣраго сукна; черезъ плечо на широкой ременной портупеѣ они носятъ кривую полусаблю. При видѣ въ первый разъ камчатскаго казака съ его нѣсколько камчадальскою физіономіею и черными короткими бакенбардами мы невольно перенеслись въ старыя времена. Впечатлѣніе это еще усилилось, когда, въ первый же день по прибытіи въ Петропавловскъ, намъ случилось познакомиться съ завѣдующимъ камчатскими казаками хорунжимъ Савинскимъ, симпатичнымъ 60-лѣтнимъ старикомъ, живою лѣтописью города Петропавловска.

Вечеромъ 5 іюня шхуна была готова отправиться далѣе, а утромъ 6 числа мы снялись съ якоря и вышли въ море. Въ Петропавловскѣ намъ обѣщали, что теперь все время намъ будутъ сопутствовать южные вѣтры; быть можетъ это и было бы такъ, если бы мы держались нѣсколько дальше въ морѣ, но, идя вдоль самыхъ береговъ, мы все время шли или при полномъ штилѣ, или при такомъ вѣтрѣ, который не давалъ шхунѣ ходу болѣе 2—3 миль въ часъ и такимъ образомъ мы большую часть времени шли подъ парами нашей маленькой машины. Когда мы огибали Шипунскій мысъ, съ берега еще издалека доносился на судно, перебивавшійся шумомъ морскихъ волнъ, гулъ рева морскихъ животныхъ. То были сивучи. Они сотнями занимаютъ прибрежные камни, своимъ ревомъ встрѣчаютъ приближеніе каждаго судна и часто во время тумановъ служатъ прекраснымъ маякомъ для судовъ, плавающихъ въ этихъ водахъ. Спустивъ вельботъ, мы пошли по направленію къ одному изъ этихъ камней съ цѣлью посмотрѣть, нѣтъ ли здѣсь моржей. Сивучи еще издалека встрѣтили насъ страшнымъ ревомъ, а по мѣрѣ нашего приближенія къ нимъ, они одинъ за другимъ стали сбрасываться въ воду и всею массою двинулись намъ на встрѣчу. Для меня и части команды, видѣвшей ихъ въ первый разъ, такое движеніе казалось намѣреніемъ атаковать насъ, но они только окружили нашъ вельботъ и, то ныряя подъ воду,

то снова выходя на ея поверхность, съ ревомъ сопутствовали намъ на нѣкоторомъ разстояніи, а затѣмъ возвратились на свои мѣста. Не найдя моржей, мы также вернулись на судно.

Двигаясь такимъ образомъ вдоль самыхъ береговъ, мы почти каждый день выходили на твердую землю съ цѣлью запастись дровами изъ стараго лѣса, мѣстами въ большомъ количествѣ выбрасываемаго рѣчками въ море и прибиваемаго волною на отмели.

Капитанъ, страстный охотникъ, тотчасъ же уходилъ поискать медвѣдя, котораго, впрочемъ, и искать много не приходилось: не было случая, чтобы мы, выйдя на берегъ, не встрѣтили четырехъ, пяти, а иногда и до 10 медвѣдей, но каждый разъ охота продолжалась не болѣе часа или $1^1/_2$ часа, чтобы не терять времени и вѣтра и преслѣдованія раненаго звѣря уже никогда не было.

Общій очеркъ края. Прежде чѣмъ продолжать мой разсказъ считаю необходимымъ сдѣлать очеркъ природы края и жизни въ немъ на основаніи главнымъ образомъ бесѣдъ моихъ съ жителями Петропавловска.

Камчатскій и Становой горные хребты, соединяющіеся у верховьевъ р. Анадырь и наполняющіе собою и своими отрогами полуострова Камчатскій и Чукотскій, опредѣляютъ собою какъ горный характеръ страны, такъ и всего побережья.

Еще во время слѣдованія вдоль береговъ южной Камчатки открываются сопки: Вилючинская, Коряцкая и дымящаяся Авачинская, затѣмъ, по мѣрѣ движенія къ сѣверу: Кроноцкая, Толбачинская, Уткинская, Шевелючъ, а среди этихъ двухъ возвышается сопка Ключевская, въ 16.000 футъ высотою и видимая во все время движенія вдоль береговъ Камчатки почти до д. Карагинской.

Въ общемъ высокіе, обрывистые берега Камчатки отличаются полнымъ отсутствіемъ признаковъ жизни человѣка до мыса Озёрнаго; на этомъ пространствѣ они сплошь усѣяны острокопечными вершинами и лишь изрѣдка по берегу моря остаются небольшія низкія площадки, поросшія кустарникомъ и высокою травою.

Отъ мыса Озёрнаго мѣстность носитъ болѣе холмистый характеръ и высокія горы нѣсколько отходятъ отъ береговъ.

Отъ мыса Олюторскаго берега снова возвышаются и дѣлаются ниже только къ устью р. Анадырь; на этомъ пространствѣ они изрѣзаны бухтами, которыя обставлены почти отвѣсными голыми массивами, высотою до 2500 и 3000 футъ.

Берега Чукотскаго полуострова, хотя не такъ высоки, но (осо-

бенно южные) имѣютъ также гористый характеръ, а мысъ Восточный заканчивается дикою высокою скалою.

По всему берегу временами отдѣляются низкія напосныя косы, часто образующія хорошія гавани и занятыя обыкновенно или лѣтними балаганами сидячихъ (осѣдлыхъ) корякъ или постоянными селеніями сидячихъ чукчей.

Климатъ Камчатки вообще не отличается суровостью и средняя зимняя температура обыкновенно — 12° R., морозы въ — 20° R.— явленія рѣдкія; на сѣверѣ же, какъ въ селеніи Марково (на верховьяхъ р. Анадырь) морозы, хотя также не часто, но доходятъ до—40°. Лѣтомъ обыкновенная температура въ Камчаткѣ отъ + 10° до + 14°, дни съ 18° R., если и бываютъ, то не болѣе недѣли за все лѣто. За то зима отличается своею продолжительностью. Въ Камчаткѣ уже въ половинѣ августа выпадаютъ холодныя росы, а въ концѣ сентября земля начинаетъ покрываться снѣгомъ, который сходитъ только въ началѣ іюня и во время движенія шхуны вдоль береговъ Камчатки горы еще почти сплошь были покрыты имъ; кое-гдѣ и въ болѣе низкихъ мѣстахъ снѣгъ остается до новаго. Въ бассейнѣ р. Анадырь и на Чукотскомъ полуостровѣ снѣгъ выпадаетъ въ первыхъ числахъ сентября и въ первой же половинѣ сентября становятся рѣки и начинаютъ замерзать бухты. Отъ льда рѣки очищаются только къ концу мая, а снѣгъ сходитъ во второй половинѣ іюня. Снѣгу выпадаетъ весьма много и о количествѣ его можно судить по Петропавловску. Зимою видъ города и прилежащихъ окрестностей совершенно измѣняется: ближайшія горы, съ которыхъ снѣгъ сдувается внизъ, дѣлаются какъ будто ниже; улица, протоптанная ѣздою и пѣшеходами, получаетъ вогнутую профиль, края которой идутъ вровень съ крышами домовъ, имѣющихъ все-таки около 2-хъ сажень высоты; отъ входныхъ дверей и оконъ домовъ снѣгъ постоянно отгребаютъ и бывали случаи, когда женщинамъ домовладѣлицамъ, не имѣющимъ работниковъ, послѣ сильнаго снѣга, приходилось выходить изъ дома чрезъ дымовую трубу.

Отъ льдовъ побережье освобождается весьма поздно: въ началѣ мая льды встрѣчаются еще на параллели мыса Наварина, а отъ южнаго берега Чукотскаго полуострова они отходятъ въ концѣ мая или въ первой половинѣ іюня. Въ океанъ же льды уносятся въ разные годы въ различное время, что зависитъ отъ направленія дующихъ вѣтровъ. Въ бухтахъ ледъ остается еще позднѣе: такъ Анадырьская Губа очищается отъ льда только въ послѣднихъ числахъ

іюня или первыхъ іюля; бухты: Провидѣнія, Ткачепъ, Св. Лаврентія освобождаются отъ льда только въ первой половинѣ іюля.

Также поздно отходитъ ледъ и отъ побережья Ледовитаго океана и въ лѣто плаванія шхуны онъ былъ здѣсь еще въ послѣднихъ числахъ іюля. Снова ледъ приносится изъ Ледовитаго океана къ берегамъ Чукотскаго полуострова въ концѣ августа или въ началѣ сентября, когда начинаютъ дуть сѣверные вѣтры и въ первой же половинѣ сентября начинаютъ замерзать бухты.

Изъ естественныхъ богатствъ, залегающихъ въ нѣдрахъ земли, можно указать на каменный уголь, графитъ, краску охру, руду по внѣшнему виду схожую съ колчеданомъ. Кромѣ того, по словамъ капитана шхуны, занимавшагося золотопромышленностью, судя по расположенію горныхъ породъ, можно предполагать присутствіе золота, а въ камняхъ иногда встрѣчаются прослойки желѣзной руды,

Каменный уголь встрѣченъ нами на берегу моря, 15 миль сѣвернѣе до Вивники и хотя изъ слоевъ его на обрывѣ берега только нижній, сравнительно небольшой можно считать почти вполнѣ образовавшимся, но судя по количеству его, вымываемому здѣсь моремъ, можно съ увѣренностью предполагать значительныя залежи его далѣе вглубь. Часть угля вымытаго моремъ была взята для машины судна и 23 шлюпки (около 20 тоннъ), собранныя здѣсь, не произвели замѣтнаго его уменьшенія. Вымытый изъ моря уголь оказался не хуже Такасимскаго.

Карандашный графитъ весьма мягкій, хорошаго качества находятъ недалеко отъ Восточнаго мыса и, по словамъ чукчей, его очень много.

Тутъ же на Восточномъ мысѣ замѣтны пласты краски охры, а по берегу Ледовитаго океана встрѣчается колчеданъ.

Кромѣ того въ бассейнѣ р. Анадырь и далѣе къ сѣверу теченіемъ рѣчекъ вымываются изъ земли и добываются чукчами клыки мамонта.

Камчатскій полуостровъ, особенно его средняя часть, изобилуетъ лѣсами. По восточному берегу лѣса подходятъ къ морю до мыса Камчатскаго, гдѣ они становятся уже замѣтно рѣже, а отсюда, постепенно отходя отъ берега моря, граница лѣсовъ направляется на верховья р. Анадырь, нѣсколько выше с. Марково; къ сѣверу отъ с. Марково они распространяются не далеко. Внутри страны, какъ говорятъ, есть не только строевой, но и корабельный лѣсъ. Порода лѣсовъ преимущественно хвойная: лиственница, сосна, ель, пихта, а изъ лиственныхъ породъ: береза, тополь.

Отъ мыса Камчатскаго далѣе къ сѣверу, по побережью, лѣса смѣняются кустарникомъ кедровника и тальника; но и этотъ кустарникъ, въ свою очередь, становясь все рѣже и мельче, по берегу моря достигаетъ до широты мыса Наварина (62° 30′) приблизительно, и здѣсь уже онъ весьма рѣдокъ и корлвыя вѣтви его стелются по землѣ.

Травы Камчатки хороши и достигаютъ высоты роста человѣка, но отъ р. Караги, далѣе къ сѣверу, постепенно понижаясь, около 61° широты онѣ начинаютъ смѣняться мхомъ; еще далѣе къ сѣверу площади мха увеличиваются и на побережьи Ледовитаго океана лишь изрѣдка встрѣчаются небольшія площадки, поросшія невысокой травой. Но на Чукотскомъ полуостровѣ и такая растительность занимаетъ болѣе низкія мѣста. а въ общемъ берегъ всего полуострова представляетъ голые массивы, испещренные остатками снѣга, который лежитъ до поваго.

Рѣки Камчатки многоводныя весною, сильно мелѣютъ лѣтомъ. Рѣка Анадырь могла бы быть вполнѣ судоходною, но мелкое устье не даетъ возможности судамъ входить въ нее. Даже барказы могутъ выходить только во время прилива.

На Чукотскомъ полуостровѣ нѣтъ вовсе рѣкъ и прѣсныя воды встрѣчаются въ видѣ озеръ и небольшихъ рѣчекъ, которыя скорѣе можно назвать ручьями. Рѣки же Камчатки отличаются обиліемъ рыбы: бываютъ годы, когда рыбу можно черпать съ бота прямо сачками; изъ рыбы особенно цѣнится чавыча изъ породы лососей.

На Чукотскомъ полуостровѣ, за недостаткомъ прѣсныхъ водъ, рыбы сравительно мало: въ лагунахъ водится форель, а осенью къ берегамъ моря подходитъ въ небольшомъ количествѣ треска и чавыча.

Въ странѣ водятся слѣдующіе виды дикихъ животныхъ: соболя, лисицы черныя, чернобурыя, сиводушки, крестовки и красныя, песцы бѣлые и голубые, выдра, норки, выхухоль, горностай, россомаха, медвѣди бурые и бѣлые, волкъ, дикій олень и горный баранъ.

Всѣ эти звѣри составляютъ предметы промысловъ населенія, за исключеніемъ волка въ странѣ чукчей, котораго они боятся бить по суевѣрному представленію, что другіе волки, въ отмщеніе за убитаго, истребятъ весь табунъ оленей убившаго. Лисицы водятся во всей странѣ, а черныя чаще встрѣчаются на полуостровѣ Чукотскомъ и на Карагинскомъ островѣ. Песцовъ бѣлыхъ особенно много на сѣверѣ, но голубые, и то лишь въ ограниченномъ числѣ,

встрѣчаются только у чукчей. Выдры, выхухоль, норки, горностаи водятся также повсемѣстно, но на сѣверѣ ихъ больше.

Соболей, для которыхъ нуженъ лѣсъ, больше всего въ Камчаткѣ и у смежныхъ съ нею сидячихъ корякъ, къ сѣверу ихъ меньше и чукчи ихъ совершенно не знаютъ.

Россомаха также живетъ въ лѣсахъ и потому по побережью она не встрѣчается; шкура ея весьма цѣнится у чукчей, какъ украшеніе и для продажи американскимъ индѣйцамъ. Они получаютъ ее отъ торгующихъ изъ села Марково.

Медвѣди бурые болѣе всего водятся въ Камчаткѣ; на Чукотскомъ полуостровѣ ихъ сравнительно мало. Въ Камчаткѣ же ихъ встрѣчаютъ цѣлыми стадами, собирающихъ ягоды, или сидящихъ по берегамъ рѣкъ и промышляющихъ рыбу. Также много можно видѣть ихъ и по берегу моря, гдѣ они охотятся за щепками сивучей, выплывающими изъ моря, собираются около падшаго кита и т. п.

Бѣлый медвѣдь питается исключительно морскими звѣрями, а потому зимою онъ живетъ на льду Сѣвернаго Океана, удаляясь отъ берега съ удаленіемъ границы льда. Лѣтомъ на льдахъ онъ уносится на острова океана (Врангеля, Геральда); на льдахъ же осенью приносится обратно къ берегу, при чемъ иногда его встрѣчаютъ и по южную сторону Чукотскаго полуострова. Чукчи промышляютъ его мало.

Кромѣ этихъ животныхъ во всей странѣ еще водятся зайцы, бѣлки, овражки, барсуки, но эти не промышляются населеніемъ и попадаются только случайно.

Изъ морскихъ животныхъ у побережья водятся бобры, сивучи, нерпа (тюлень), моржи и киты.

Бобровое лежбище въ Камчаткѣ южнѣе Желтаго мыса. Извѣстно, что есть еще бобровое лежбище на Командорскихъ островахъ, но эти качествомъ своимъ хуже камчатскихъ.

Сивучи стадами до 500—1000 головъ занимаютъ прибрежные камни и къ сѣверу встрѣчаются только до мыса Камчатскаго. Это массивное ластоногое животное, вѣсомъ, какъ говорятъ, до 80 пудовъ, населеніемъ Камчатки почти не промышляется.

Нерпа живетъ какъ у береговъ Камчатки, такъ и Ледовитаго Океана. По величинѣ звѣря, строенію головы и цвѣту шерсти различаютъ нѣсколько породъ нерпы. Она промышляется на всемъ побережьи и употребляется населеніемъ въ пищу, изъ шкуры ея дѣлаютъ подошвы къ торбазамъ (мѣстная обувь), байдарки, ремни, мѣшки, за-

мѣняющіе инородцамъ чемоданы, а большинство сидячихъ чукчей употребляютъ ее на одежду.

Моржи встрѣчаются у Острова Карагинскаго и сѣвернѣе, но въ Ледовитомъ Океанѣ ихъ больше. Моржъ составляетъ главную, предпочитаемую всѣмъ другимъ, пищу населенія сидячихъ чукчей, клыки его употребляются на различныя издѣлія домашняго обихода, шкура идетъ на покрышку байдаръ, юртъ, на ремни. Моржъ единственный изъ вышеприведенныхъ звѣрь, котораго замѣтно сильное уменьшеніе и чукчи южнаго берега Чукотскаго полуострова должны теперь ходить за нимъ въ Ледовитый Океанъ. Фактъ этотъ имѣетъ единственною причиною дѣятельность американцевъ, которые избиваютъ его въ громадномъ количествѣ для добыванія клыковъ; кромѣ того сами чукчи, имѣющіе ружья Винчестера, бьютъ его больше, чѣмъ имъ нужно для пищи съ тѣмъ, чтобы получить клыки и такимъ образомъ имѣть больше товару къ приходу американцевъ для промѣна преимущественно на ромъ. На Карагинскомъ островѣ, куда прежде выходило изъ моря много моржей, камчадалы бьютъ теперь не болѣе 10, 15 штукъ за все лѣто и поэтому въ настоящее время на островъ заходитъ не болѣе трехъ иностранныхъ шхунъ ежегодно.

Киты также промышляются чукчами и употребляются въ пищу. Киты не живутъ постоянно у береговъ, но для корма держатся ихъ болѣе или менѣе близко во время хода своего въ Ледовитый океанъ на лѣтнее время. Проходятъ они по мѣрѣ образованія разщелинъ между льдами, что бываетъ на параллели мыса Наварина въ началѣ, а на южной сторонѣ Чукотскаго полуострова въ послѣднихъ числахъ мая. Подвигаясь какъ бы фронтомъ впередъ, къ Берингову проливу, киты, встрѣтившіе на своемъ пути южный берегъ Чукотскаго полуострова, поворачиваютъ на востокъ, къ проливу и сходятся на восточной и юговосточной сторонѣ Чукотскаго полуострова, гдѣ такимъ образомъ на пространствѣ отъ бухты Провидѣнія и далѣе до Восточнаго мыса ихъ лучшій промыселъ. Это и обусловливаетъ приходъ сюда къ этому же времени американскихъ китобоевъ и торговыхъ судовъ.

Населеніе Камчатки, собственно Петропавловскаго Округа находится въ завѣдываніи петропавловскаго исправника и, благодаря его совмѣстнымъ съ окружнымъ врачемъ ежегоднымъ объѣздамъ округа, населеніе болѣе или менѣе дѣйствительно находится подъ опекой администраціи. Не то въ Гижигинскомъ округѣ: здѣсь громадность разстояній даетъ возможность исправнику только въ два

года одинъ разъ посѣщать на востокѣ сидячихъ корякъ Олюторскаго берега, смежныхъ съ Камчаткой; по р. Анадырь онъ доѣзжаетъ только до селенія Марково. Такимъ образомъ Чукмари по Анукинскому и Туменскому берегу и Чукчи къ востоку и сѣверу отъ сел. Марково т. е. населяющіе Чукотскій полуостровъ, фактически не знаютъ надъ собою никакой власти.

Жизнь въ Камчаткѣ въ общемъ совершенно отличается отъ жизни инородцевъ Гижигинскаго округа, а потому и болѣе естественно, говоря о жизни народовъ Сѣвера, выдѣлить жизнь Камчатки въ особый отдѣлъ.

Петропавловскій округъ Камчатки. Сѣверная граница округа направляется отъ д. Караги на д. Лѣсновскую.

Въ означенныхъ предѣлахъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ считается всего 6509 жителей обоего пола. Населеніе слагается изъ Камчадаловъ, которыхъ 3559 человѣкъ (1803 мужчинъ 1756 женщинъ), Русскихъ—2209 человѣкъ (1106 мужчинъ 1103 женщины), Алеутъ—15 юртъ — 65 человѣкъ (37 мужчинъ, 28 женщинъ), Корякъ — 66 юртъ — 405 человѣкъ (219 мужчинъ 186 женщинъ) и Ламутъ—48 юртъ—271 человѣкъ (138 мужчинъ 133 женщины).

Камчадалы, Русскіе и Алеуты ведутъ осѣдлую жизнь, а Коряки и Ламуты—кочевую. Впрочемъ, на сѣверѣ округа есть двѣ деревни (Дранка и Карага) Корякъ, которые ведутъ осѣдлую жизнь и по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ считаются Камчадалами; часть ихъ однако имѣетъ своихъ оленей и ведетъ кочевую жизнь; эти продолжаютъ числиться въ своихъ деревняхъ и вмѣстѣ съ своимъ обществомъ отбываютъ какъ денежныя, такъ и натуральныя повинности.

Осѣдлое населеніе (камчадалы и русскіе) живутъ въ деревняхъ, еще до сихъ поръ сохранившихъ у камчадаловъ свое старое названіе „острожковъ“. Острожки не имѣютъ правильнаго плана постройки, улицъ, какъ въ русскихъ деревняхъ, нѣтъ и всѣ избушки разбросаны безъ всякой симметріи.

Всѣхъ поселеній 57, кромѣ того г. Петропавловскъ и 4 пригородныхъ деревни, населенныхъ мѣщанами и казаками. Селенія расположены по берегамъ рѣкъ и большею частью въ нижнихъ ихъ теченіяхъ. Средняя величина поселковъ 14 дворовъ, maximum — 51 дворъ; такихъ деревень—одна и minimum—2 двора: такихъ—три. Въ городѣ Петропавловскѣ 66 домовъ.

Русскіе поселки, которыхъ 10,[1]) не занимаютъ отдѣльной пло-

[1]) Кромѣ Петропавловска и 4 пригородныхъ.

щади, а расположены въ округѣ между камчадальскими острожками.

Въ поселкахъ избы русской постройки съ русскою печью, крыты соломой травы, корою или колотымъ деревомъ (драньемъ). Кромѣ сѣней изба внутри, большею частью, раздѣляется пополамъ досчатою перегородкою. Стекла въ окнахъ, по ихъ недостатку, чаще всего замѣняются рыбьей кожей, сшитой съ полосами чищенныхъ медвѣжьихъ кишекъ. Обстановка въ избахъ состоитъ изъ скамей, столовъ, деревянныхъ кроватей. При приготовленіи пищи употребляются мѣдные котлы, чугуны, также есть деревянныя чашки, ложки, ухватъ, кочерга и пр. совершенно такъ, какъ въ нашихъ русскихъ деревняхъ, не исключая самовара, чайника и чашекъ, которыми пользуется большая часть населенія. Для освѣщенія большею частью употребляется перпичій жиръ, наливаемый въ плошку, при чемъ фитиль замѣняется остатками матеріи, тряпками.

Почти при каждой избѣ есть балаганъ, который служитъ какъ кладовая. Балаганъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ стоекъ, врытыхъ въ землю (обыкновенно 3 ряда и по 3 стойки въ каждомъ), стойки связываются на верху балками, на балки кладется полъ — помостъ изъ жердей, устилаемый травой.

Такимъ образомъ, полъ приходится сажени на $1^1/_2$ выше земли; всходятъ на него по приставной лѣстницѣ, обыкновенно бревну, на которомъ вырублены ступеньки. На помостѣ ставится самый балаганъ — шалашъ изъ жердей, связанныхъ на верху и покрытыхъ сверху соломой травы; такимъ образомъ, шалашъ этотъ имѣетъ видъ конуса съ основаніемъ сажень около двухъ.

Такіе же балаганы имѣетъ каждое семейство въ деревнѣ, на берегу моря, у устья своей рѣки; здѣсь населеніе проводитъ лѣто на промыслахъ; въ этихъ балаганахъ оставляется зимній запасъ рыбы и только въ предупрежденіе отъ расхищенія ея медвѣдями отнимается лѣстница.

Алеуты, которыхъ одно селеніе на Желтомъ мысѣ, живутъ въ земляныхъ юртахъ; всѣхъ юртъ 15.

Оленное (кочующее) населеніе—Коряки и Ламуты — лѣтомъ, скрываясь отъ оводовъ, кочуютъ по хребту, гдѣ меньше лѣсу, въ сѣверной части полуострова, а зимою спускаются къ берегу Охотскаго моря у Тигиля.

По внѣшнему виду, въ общемъ, инородцы монгольскаго типа, средняго роста, брюнеты съ смуглымъ цвѣтомъ и слабою растительностью на лицѣ; но большинство камчадаловъ выдѣляется своимъ

мелкимъ ростомъ, слабымъ развитіемъ и болѣзненнымъ цвѣтомъ лица. Волосы мужчины носятъ короткіе, женщины расплетаютъ ихъ на двѣ косы, а дѣвушки носятъ одну.

Одежда камчадаловъ и русскихъ одинаковая и состоитъ изъ обыкновенныхъ матерій; женщины носятъ платья, платки на головѣ, а кукляники носятся только какъ верхняя одежда для выхода изъ дома. Коряки же и ламуты одѣваются почти исключительно въ мѣха и матерій, можно сказать, не носятъ.

Главную и притомъ почти исключительную пищу всего осѣдлаго населенія составляетъ рыба, затѣмъ медвѣжина и нерпа. Ржаною мукою, при высокой цѣнѣ ея, пользуются рѣдко и лишь немногіе, преимущественно изъ живущихъ недалеко отъ пунктовъ расположенія казенныхъ складовъ (Петропавловскъ, Нижне-Камчатскъ, Тигиль), гдѣ она продается по казенной цѣнѣ (3 руб. 20 коп. пудъ), далѣе же въ округѣ, въ зависимости отъ стоимости перевозки она становится дороже.

Каждая изъ народностей, населяющихъ Камчатку, имѣетъ свой языкъ, но какъ камчадалы, такъ и алеуты почти оставили свою родную рѣчь и даже между собою чаще говорятъ по-русски, кромѣ двухъ, трехъ сѣверныхъ деревень. Камчадалы, говоря по-русски, страшно коверкаютъ языкъ, русскіе же, чтобы быть понятными, также не жалѣютъ ломать свой родной языкъ и такимъ образомъ въ Камчаткѣ получается совершенно своеобразная рѣчь.

По религіи почти все населеніе Камчатки православное и по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ изъ 6509 жителей обоего пола считается только одинъ католикъ, 2 лютеранина и 405 язычниковъ (изъ корякъ и ламутъ).

Весь округъ раздѣляется на 9 приходовъ, въ каждомъ приходѣ церковь, а въ Петропавловскѣ ихъ три; всѣхъ церквей въ округѣ 11 и кромѣ того 30 часовень. Средняя величина прихода 678 человѣкъ, а по площади при 227.582 кв. верстахъ, занимаемыхъ всѣмъ округомъ, средняя величина одного прихода будетъ около 24.180 кв. верстъ. Священникъ съ причтомъ ежегодно объѣзжаютъ свой приходъ для говѣнія и кромѣ того, по мѣрѣ надобности, заявляемой населеніемъ, ѣздятъ для исполненія требъ; вообще же, по отзывамъ, все населеніе Камчатки, какъ русскіе, такъ, камчадалы весьма религіозны.

Все управленіе округомъ находится въ непосредственномъ вѣдѣніи исправника: онъ является представителемъ и административной, и судебной власти. Слѣдующая за нимъ низшая инстан-

ція—деревенскіе старосты. Старосты выбираются самимъ населеніемъ на три года, но обыкновенно служатъ неопредѣленное время, или же смѣняются и раньше по распоряженію исправника. Жалованія они никакого не получаютъ. На ихъ обязанности лежитъ наблюденіе за правильнымъ исполненіемъ повинностей; они же должны разбирать мелкіе проступки и докладывать о преступленіяхъ исправнику при его объѣздѣ, или письменно, по земской почтѣ. Но, благодаря отсутствію водки, запрещенной въ продажѣ и миролюбивому нраву населенія, преступленія весьма и весьма рѣдки. Случаются небольшія драки, оскорбленія, которыя кончаются мировой или черезъ посредство старосты, или мірской сходкой, безъ всякой оффиціальности. При старостахъ для веденія письмоводства и статистической отчетности имѣются писаря, которые выходятъ изъ мѣстныхъ школъ.

Школы открываются по распоряженію исправника. Въ нихъ учатъ Закону Божію, чтенію, письму, четыремъ правиламъ ариѳметики, грамматикѣ, церковному пѣнію. Курсъ продолжается около 8-ми мѣсяцевъ въ году. Учитъ обыкновенно священникъ, или другой случайно живущій здѣсь грамотный. Опредѣленнаго жалованія учителю не положено, а обыкновенно, по рѣшенію общества, онъ получаетъ деньгами около 100 рублей въ годъ, кромѣ того неопредѣленную плату овощами, рыбой и работой. Въ Петропавловскѣ учитель получаетъ только деньгами 480 рублей въ годъ. Деньги учителямъ (кромѣ петропавловскаго) выдаются изъ остатковъ отъ ясачнаго сбора. Къ школѣ, расположенной въ болѣе или менѣе центральной деревнѣ, приписывается до 10 деревень, которыя обязаны присылать въ школу отъ 1 до 3-хъ мальчиковъ, смотря по величинѣ деревни и опредѣленію исправника, но въ школы ходятъ и мѣстныя дѣвочки. Такихъ школъ въ настоящее время въ Камчаткѣ 5 и въ нихъ ежегодно учится около 100 мальчиковъ.

Натуральныя повинности, отбываемыя населеніемъ, состоятъ въ препровожденіи почты, поставкѣ подводъ и ихъ проводниковъ (коюрочныхъ) для проѣзда исправника, священника и вообще должностныхъ лицъ,[1]) въ постройкѣ и ремонтѣ общественныхъ и церковныхъ домовъ, церквей и молитвенныхъ домовъ (часовень).

Постоянной правильной почты въ краѣ нѣтъ, а ее отправляютъ по мѣрѣ надобности. Если бываютъ экстренные пакеты, то ихъ

[1]) Въ каждой деревнѣ есть домъ для сходокъ, онъ же называется земской квартирой для проѣзжающихъ и замѣняетъ почтовую станцію.

отправляютъ немедленно и въ такомъ случаѣ къ конверту припечатывается птичье перо, такой пакетъ называется „полетучкой“ и уже доставляется съ возможною быстротою. Натуральныя повинности отбываются только камчадалами и русскими. Всѣ повинности отбываются общиной.

Уплатѣ ясака (денежной повинности) подлежитъ все мужское населеніе отъ 18 до 50 лѣтъ и при томъ тѣ, которыхъ ревизія застала въ этомъ возрастѣ. Ревизія производится очень рѣдко (черезъ 10 лѣтъ) и такимъ образомъ, уплатѣ ясака можетъ подлежать часть населенія, уже перешедшая за предѣльный возрастъ, а съ другой не подлежатъ ему часть, уже достигшая 18 лѣтняго возраста. Но такъ какъ вся повинность несется общиной, то это не имѣетъ вліянія на успѣхъ отбыванія ея. Но съ другой стороны рѣдкость ревизій ложится бременемъ на отбывающее денежную повинность населеніе, такъ какъ обществамъ или родамъ приходится нерѣдко платить повинность и за умершихъ.

Размѣръ денежной повинности опредѣленъ по слѣдующему разсчету:

Съ инородцевъ—государственнаго сбора:

Податей подушныхъ.	2 р. 86 к.
Въ пожарный капиталъ	— „ 4 „
На частныя земскія повинности.	— „ 35 „
	3 р. 25 к.
Въ мѣстный страховой сборъ .	— „ 15 „
Всего.	3 р. 40 к.

Съ крестьянъ—государственнаго сбора:

Податей подушныхъ	— р. 81 к.
Въ пожарный капиталъ	— „ 4 „
На частныя земскія повинности.	— „ 35 „
	1 р. 20 к.
Въ мѣстный страховой сборъ .	— „ 15 „
Всего .	1 р. 35 к.

Ясакъ можетъ быть внесенъ деньгами или соболями. Староста деревни при проѣздѣ исправника представляетъ ему на выборъ лучшихъ соболей, въ количествѣ, смотря по числу платящихъ въ деревнѣ ясакъ и по цѣнѣ на соболей въ прошломъ году. Ниже

этой цѣны они пойти не могутъ, такъ какъ извѣстно, что удскіе и камчатскіе соболя лучшіе и всегда будутъ взяты за какую бы ни было цѣну.

Такъ въ бытность нашу въ Петропавловскѣ ясачные соболя были проданы съ аукціона по 25 р. 10 к. за штуку, при предварительной оцѣнкѣ въ 25 р., а между тѣмъ было извѣстно, что цѣна на соболей въ Лондонѣ, куда они идутъ изъ Камчатки, въ прошломъ году была 23 р. и, вѣроятно, она будетъ еще ниже. Ясачныхъ соболей берутъ для поднятія цѣнности другихъ.

Выбранные въ деревнѣ соболя тутъ же связываются вмѣстѣ и припечатываются печатью старосты къ дощечкѣ съ надписью деревни. Затѣмъ всѣ собранные соболя продаются съ аукціона въ Петропавловскѣ и, если они будутъ проданы за сумму большую слѣдуемой въ уплату ясака, остатокъ по вѣдомости распредѣляется между обществами. Часть изъ этихъ денегъ идетъ на содержаніе школъ, на свѣчи въ церкви, а остальныя распредѣляются между представившими соболей.

Недоимокъ вообще почти не бываетъ и если онѣ случаются, то причина ихъ лежитъ единственно въ плохомъ соболиномъ или рыбномъ промыслѣ. Вліяніе плохого рыбнаго промысла сказывается въ томъ, что въ лѣсъ на промыселъ можно ѣхать только съ запасомъ рыбы, какъ для себя, такъ и для собакъ.

По степени достатка населеніе Камчатки распредѣляется такъ: 1) Оленные (кочующіе): Ламуты и Коряки, 2) Алеуты и 3) Русскіе и Камчадалы.

Ламутъ и корякъ живетъ сравнительно въ довольствѣ. Въ оленѣ онъ находитъ удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей: пищу, платье, жилище; олень же служитъ ему средствомъ передвиженія.

Алеуты, можно сказать, также не нуждаются; въ рукахъ ихъ бобровый промыселъ. Пища ихъ: рыба, перпа, сивучи подъ рукою и кромѣ того, при сравнительно не далекомъ разстояніи ихъ поселенія на Желтомъ мысѣ отъ г. Петропавловска, для нихъ удобнѣе пользоваться и товарами. Да и предметъ ихъ промысла (боберъ), при легкости его добычи, на столько цѣненъ, что сами купцы приходятъ къ нимъ и, такимъ образомъ, они, сравнительно со всей Камчаткой, получаютъ товары, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ.

Русскіе же и камчадалы въ общемъ живутъ въ бѣдности, даже нерѣдко въ нищетѣ. Русскіе крестьяне переселились въ Камчатку въ 1850—51 гг. изъ Иркутской губерніи. Они были привлечены не сбывшимися надеждами на обильное земледѣліе и едва ли

не со времени переселенія и до сихъ поръ любимая мечта ихъ—возвращеніе на родину, или вообще выселеніе изъ края [1]).

По причинѣ краткости лѣта и рано наступающихъ холодовъ хлѣбопашество оказалось невозможнымъ въ тѣхъ размѣрахъ, которые нужны для прокормленія населенія и всѣ попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи въ бытность губернаторомъ Камчатки адмирала Завойко (1849 — 55 г.), при всей его энергіи, не привели ни къ какимъ результатамъ. Въ настоящее время единственно по среднему теченію р. Камчатки, въ окрестностяхъ деревень Ключевской, Щапинской и между ними въ небольшомъ количествѣ сѣютъ ячмень; онъ родится не болѣе самъ-пять и служитъ, и здѣсь не для всѣхъ, какъ бы занятіемъ второстепеннымъ, не отнимая времени отъ главнаго—рыбнаго промысла. Такъ въ 1884 г. было посѣяно всего 311 пудовъ ячменя и снято 1563 пуда. Собираютъ его на крупу.

Огородничество же въ Камчаткѣ, по общимъ отзывамъ, могло бы идти съ успѣхомъ; нейдутъ капуста, огурцы, но можно сажать картофель, рѣпу, рѣдьку, свеклу, морковь, вообще корнеплодныя овощи. Картофель, рѣпу и рѣдьку садятъ еще въ дер. Карагинской. Въ 1884 г. въ округѣ посажено 4061 пудъ картофелю, снято же 28.242 пуда или урожай самъ-семь. Этотъ сборъ можно принять за средній, такъ какъ по словамъ камчадаловъ, хотя бываетъ урожай самъ 20, но за то случаются годы, когда едва удается вернуть сѣмяна. Рѣпу и рѣдьку сѣютъ еще сѣвернѣе, въ с. Марково Гижигинскаго округа, но какъ здѣсь, такъ и въ Петропавловскомъ округѣ овощи не вызрѣваютъ до сѣмянъ и ихъ получаютъ изъ Гижиги и Петропавловска (привозныя). Недостатокъ сѣмянъ съ одной стороны, а съ другой апатія самого населенія причиною тому, что огородничествомъ вообще занимаются мало.

При обиліи травъ въ Камчаткѣ скотоводство могло, казалось бы, идти съ успѣхомъ. Причиною, удерживающею распространеніе его, какъ отдѣльнаго вида занятія, надо признать съ одной стороны отсутствіе сбыта продуктовъ скотоводства, съ другой — трудность заготовленія корма на долгую зиму. Но все таки, однако, во всей Камчаткѣ считается 2362 головы рогатаго скота или при 858 хозяйствахъ — менѣе 3-хъ головъ на одну семью. Въ частности же въ средней и южной части округа скота держится болѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Здѣсь разведенію его препятствуетъ еще особый видъ болѣзни,

[1]) По выселеніе, если оно будетъ, должно вестись осмотрительно чтобы не завезти изъ Камчатки заразительныхъ болѣзней.

извѣстной подъ именемъ „шатунъ“. Болѣзнь эта проявляется тѣмъ, что у коровы сначала начинаетъ качаться, а затѣмъ совершенно отнимается задъ. Скотъ вообще крупный, но малодойный. Корова цѣнится отъ 20 до 75 рублей.

Вся ѣзда въ краѣ зимою на собакахъ, а лѣтомъ на ботахъ [2]) по рѣкамъ, а потому лошади держатся только для охоты или для перевозки тяжестей вьюкомъ. Лошади мелкой породы, цѣнятся онѣ отъ 30 до 70 рублей; они держатся почти круглый годъ на подножномъ корму, вырывая его изъ подъ снѣга, но какъ для рогатаго скота, такъ и для лошадей на случай большихъ снѣговъ заготовляются запасы сѣна. Сѣно косятъ обыкновенными русскими косами.

Въ восточной части Гижигинскаго округа нѣтъ ни рогатаго скота, ни лошадей; въ с. Марково напримѣръ его не держатъ изъ за волковъ, медвѣдей и собакъ. Собаки столь же опасны для скота, какъ и хищные звѣри: стоитъ только наброситься одной, чтобы на животное налетѣла цѣлая стая.

Весь медицинскій персоналъ округа состоитъ изъ одного окружного врача, живущаго въ г. Петропавловскѣ; при громадности разстояній, вся его помощь населенію, естественно, ограничивается и не можетъ не ограничиться съ одной стороны, посѣщеніемъ на дому, по мѣрѣ надобности, больныхъ города Петропавловска и четырехъ пригородныхъ деревень, а съ другой—его ежегоднымъ объѣздомъ округа, совершающимся одновременно съ исправникомъ и продолжающимся около двухъ мѣсяцевъ. Во время этого объѣзда имъ раздаются въ каждой деревнѣ на руки старостамъ болѣе употребительныя въ краѣ лекарства, какъ квасцы, купоросъ (для прижиганій), слабительное, пластырь и т. п., а затѣмъ начинается пріемъ и осмотръ больныхъ. Наблюденія же за употребленіемъ и храненіемъ этихъ лекарствъ нѣтъ никакого и даже въ городѣ Петропавловскѣ, за отсутствіемъ средствъ, больница и аптека бездѣйствуютъ и заперты на замокъ; а между тѣмъ болѣзненность населенія сильная. Главный бичъ его проказа—у русскихъ и венерическая болѣзнь—преимущественно у камчадалъ, кромѣ того случаются эпидемическія болѣзни: коклюши у дѣтей, горячки.

Но кромѣ болѣзней на здоровьѣ населенія не могутъ не отражаться посѣщающія его голодовки. Причина голодовокъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ случающемся недостаткѣ рыбы—этого пер-

---

[1]) Лодки—челноки.

ваго продукта пропитанія камчадалъ, затѣмъ также дороговизна провіанта. При общемъ изобиліи рыбы въ рѣкахъ Камчатки бываютъ, однако, годы, когда она не заходитъ въ рѣки цѣлаго раіона. Въ такіе годы населеніе находитъ единственную поддержку своему существованію въ казенномъ отпускѣ муки за плату и братской помощи, оказываемой сосѣдями. Въ такихъ случаяхъ и оленные ламуты и коряки оказываютъ посильную помощь камчадаламъ, пригоняя къ нимъ, частью безвозмездно, своихъ оленей.

Но все таки въ такіе годы можно встрѣтить истощенную, унылую, убитую горемъ семью, единственнымъ покровомъ которой служитъ рыболовная снасть. Такова нищета! Все это, конечно, должно оказывать свое вліяніе на цифру смертности населенія. Извѣстно положеніе, что при столкновеніи двухъ народностей различной культуры, низшая раса обрекается на вымираніе и, по мнѣнію мѣстныхъ старожиловъ и отзывамъ ихъ, можно съ достовѣрностью предположить, что для Камчатки это положеніе справедливо, по крайней мѣрѣ относительно камчадалъ. Но говорю только „предположить“, а не съ достовѣрностью сказать потому, что имѣющіяся подъ рукою оффиціальныя данныя—отчеты исправниковъ и приходскихъ священниковъ, которые, къ слову сказать, сильно разнятся между собою — приводятъ къ совершенно противоположному заключенію. Судя по нимъ въ Камчаткѣ должна быть ежегодная и при томъ довольно значительная прибыль населенія. Вѣрить этому трудно.

Настоящій исправникъ Камчатки, во время объѣзда края въ зиму 1884—85 гг., при сборѣ свѣдѣній о движеніи населенія не довѣрился свѣдѣніямъ, представленнымъ старостами, а собиралъ ихъ самъ; такой же характеръ имѣлъ сборъ тѣхъ же свѣдѣній за 1878 и 1879 гг. и за эти года получилась въ отчетахъ исправниковъ ежегодная убыль населенія около 0,2%. Къ тому же выводу (убыли населенія, а не прибыли) можно придти изъ сравненія данныхъ приводимыхъ Крашенинниковымъ въ бытность его въ Камчаткѣ въ 1741 г. съ настоящею цифрою населенія. Къ тремъ изъ пяти русскихъ острожковъ было приписано инородцевъ ясачныхъ 2716 душъ [1]) въ 77 острожкахъ и если считать на одного ясачнаго — 2-хъ неплатящихъ ясака, то вся цифра населенія въ этихъ острожкахъ была около 8200 душъ, теперь же всѣхъ инородцевъ считается 4235 душъ или въ теченіе 143 лѣтъ убыло около 4000 душъ или средняя убыль около 0,3% въ годъ. Между тѣмъ из-

[1]) Крашенинниковъ.—Описаніе земли Камчатки, ч. IV, стр. 258.

вѣстно, что выселенія изъ страны не было и границы раіона, принятыя Крашенинниковымъ, приблизительно тѣ же, что и теперь. Конечно, послѣднія цифры лишь приблизительныя и пройдетъ, быть можетъ, еще нѣсколько вѣковъ существованія инородцевъ, по фактъ вымиранія ихъ въ Камчаткѣ, кажется, вѣроятенъ.

По складу жизни камчадалы ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ: говорятъ преимущественно по русски, на вечеринкахъ тѣ же русскія пѣсни и пляска. Бо̀льшая же часть времени у населенія проходитъ въ заботахъ объ удовлетвореніи своихъ жизненныхъ потребностей.

Занятія мужчинъ преимущественно промыслы звѣря, на обязанности же женщинъ—приготовленіе пищи, шитье одежды, кромѣ того зимою онѣ сучатъ изъ крапивы нитки для рыболовныхъ сѣтей, вяжутъ самыя сѣти изъ этихъ нитокъ или покупного неводнаго прядева; изъ тѣхъ же нитокъ и морской травы плетутъ корзинки и мѣшки и эта послѣдняя работа занимаетъ у нихъ очень много времени: мѣшокъ работается одной женщиной чуть не всю зиму.

Промыслы населенія зимою—охота за медвѣдемъ, дикимъ оленемъ, горнымъ бараномъ, лисицей, но главный — соболиный промыселъ; лѣтомъ же—рыбная ловля. На крупнаго звѣря многіе ходятъ съ ружьемъ самой несовершенной системы; это старыя, заржавленныя кремневыя ружья съ необыкновенно маленькимъ прикладомъ и деревянною сошкою. Свинецъ и порохъ получаютъ изъ складовъ Филиппеуса (теперь казенныхъ) и хотя въ Петропавловскѣ въ распоряженіи исправника имѣются для продажи инородцамъ по казенной цѣнѣ ружья системы Бердана, но ихъ почти никто не покупаетъ, во первыхъ потому, что они не считаютъ это ружье удобнымъ для охоты на соболя, во вторыхъ по причинѣ сравнительной все таки для нихъ дороговизны его и, наконецъ, въ третьихъ изъ опасенія остаться безъ патроновъ, такъ какъ при продажѣ ружья отпускается только сто патроновъ, а машинокъ для переснаряженія ихъ въ продажѣ нѣтъ. Любимыя и уже порядочно распространенныя у нихъ ружья — это старыя солдатскія 6 линейныя, съ дула заряжающіяся винтовки.

Лисицъ ловятъ преимущественно клепцами (капканы).

Относительно соболинаго промысла до 1862 года администрація не принимала никакихъ мѣръ; время и способы охоты не были опредѣлены и уменьшеніе соболя становилось замѣтнымъ; особенно сильно истребленіе его было, благодаря принятому тогда способу охоты кулемками: срубали дерево и подставляли его колышкомъ, на ко-

торомъ привязывалась приманка; дергая его, соболь придавливается деревомъ. Не рѣдко охотникъ обходилъ не всѣ кулемки и соболя гнили подъ ними или съѣдались лисицами, россомахами и т. п. Съ 1882 года установлена только зимняя охота, съ 15 октября по 15 марта, слѣдовательно, исключается время, когда соболя плодятся; кромѣ того есть мѣста въ верховьяхъ нѣкоторыхъ рѣкъ, гдѣ именно они плодятся и гдѣ запрещена не только охота, но даже и проходъ. Соболь, добытый не разрѣшеннымъ способомъ, или въ запрещенномъ для охоты мѣстѣ, или въ неуказанное для охоты время, конфискуется въ пользу общества, а промышленникъ штрафуется на сумму до 25 рублей. Само населеніе, заинтересованное въ сбереженіи соболей, слѣдитъ за исполненіемъ всѣми этихъ мѣръ и, благодаря имъ, въ настоящее время уменьшенія соболя не только не замѣчается, но напротивъ, его, какъ кажется, стало больше.

Изъ прочаго звѣря въ Камчаткѣ стало замѣтно уменьшеніе лисицъ, вѣроятно, благодаря клещату.

О количествѣ звѣря добытаго за зиму 1884 — 85 гг. имѣются слѣдующія данныя: добыто: соболей 2915, лисицъ 159, выдръ 321, Россомахъ 3, волковъ 9, горностаевъ 302, горныхъ барановъ 120, дикихъ оленей 767.

Средніе цѣны на предметы промысловъ, при оцѣнкѣ ихъ въ краѣ, установились слѣдующіе: Соболь 20 руб., въ частности же цѣна колеблется отъ 15 до 40 руб. Лисица: чернобурая — 115 р., Сиводушка — 8 р., Краснал — 3 р., Песецъ бѣлый — отъ 1 р. до 1 р. 50 к., Выдра — отъ 4 до 8 р., Горностай — отъ 10 до 50 к., Медвѣжья шкура — отъ 2 до 10 р. и т. п.

Цѣны, какъ видно, не низки, но при мѣновой торговлѣ и высокой оцѣнкѣ товаровъ населеніе въ сущности получаетъ гораздо меньше. Такъ, соболь стоитъ 20 рублей, но если за него будетъ заплачено напримѣръ дрилью или кирпичнымъ чаемъ, то при цѣнѣ дрили (простая матерія) до 1 рубля аршинъ, или кирпича чаю до двухъ рублей, надо заплатить за соболя только 20 аршинъ дрили или 10 кирпичей чаю, что составитъ при оптовой покупкѣ товаровъ отъ 4 до 5 руб. При аукціонѣ соболя покупаются на наличныя деньги. Цѣна на нихъ на мѣстѣ, какъ видно, высока, но они всегда раскупаются, сколько бы ни стоили и намъ пришлось слышать такое объясненіе этого: какъ уже сказано, камчатскіе и удскіе—лучшіе соболя. Всѣ соболя идутъ въ Лондонъ, гдѣ они выдѣлываются, сортируются и распродаются. При сортировкѣ ихъ разбиваютъ на партіи, по 40 штукъ въ каждой (сороковкѣ) и при распродажѣ нельзя ку-

нить одной сороковки лучшихъ соболей, не купивши, примѣрно 10 сороковокъ худшихъ. Такимъ образомъ, одна сороковка лучшихъ поднимаетъ цѣну 10 худшихъ или, какъ говорятъ, ясачные соболя берутся для „подкрашиванія“ остальныхъ.

Я уже сказалъ, что изъ всѣхъ зимнихъ промысловъ—главный, обращающій на себя все вниманіе населенія — охота за соболемъ.

Соболь—это, такъ сказать, ходячая монета, капиталъ, которымъ владѣетъ населеніе. Онъ составляетъ и главный предметъ спроса торгующаго элемента, а за нимъ уже въ значительной степени меньше спросъ на медвѣдя, выдру, лисицу, горностая, волка, россомаху.

Лѣтнее время камчадалы и русскіе проводятъ на рыбныхъ промыслахъ, заготовляя на зиму рыбу. Ловятъ ее обыкновенными неводами или, главнымъ образомъ, запорами.

Добытую рыбу тотчасъ же чистятъ и для вяленія подвѣшиваютъ на прикрѣпленныхъ подъ балаганами жердяхъ или ремняхъ; здѣсь же подвѣшивается для просушки икра. За лѣто подъ каждымъ балаганомъ набирается до 5000 штукъ рыбъ. На зиму 1884—85 гг. было заготовлено во всемъ округѣ рыбы:

Свѣжей (мороженой)	331,700	шт.
Юколы (сушеной рыбы)	1.236,500	„
Кислой (для собакъ, зарываемой въ землю)	1.083,000	„
Всего	2.641,200	шт.

Въ 1884 г. уловъ считался плохимъ.

Вся торговля Камчатки до сихъ поръ находилась въ рукахъ г. Филиппеуса, а за нимъ еще трехъ менѣе значительныхъ коммерсантовъ (Сандалинъ, Колесовъ, Брагинъ).

Филиппеусъ имѣетъ приказчиковъ-довѣренныхъ, которые живутъ постоянно въ опредѣленныхъ, болѣе населенныхъ пунктахъ. Эти приказчики, какъ и приказчики другихъ мелкихъ купцовъ, и сами купцы въ опредѣленные сроки объѣзжаютъ весь округъ и во время этихъ объѣздовъ развозятъ товары, давая ихъ почти исключительно въ долгъ и въ это же время собираютъ старые долги.

Торговля хотя почти исключительно мѣновая, но при взаимной оцѣнкѣ товаровъ за основаніе принимается стоимость ихъ въ переводѣ на деньги; однако среди ламутъ и корякъ еще встрѣчаются такіе, которые не имѣютъ понятія о значеніи денежныхъ знаковъ.

Долговая система торговли ведется въ Камчаткѣ едва ли не со времени водворенія здѣсь русскихъ и существованіе ея объясняется

прежде всего самымъ условіемъ жизни инородцевъ, весь заработокъ которыхъ основанъ на успѣхѣ пушнаго промысла. Промыселъ ведется періодически и слѣдовательно, особенно передъ началомъ его, бываетъ время, когда у населенія нѣтъ пушнины, нѣтъ его монеты и тогда для удовлетворенія своихъ нуждъ оно поневолѣ должно входить въ долгъ, а такъ-какъ промыселъ не всегда удаченъ, то бываютъ годы, когда забравшій въ долгъ товары не въ состояніи заплатить за нихъ добытыми соболями и такимъ образомъ долгъ растетъ.

Купечество считаетъ за населеніемъ долги, которые, конечно, никогда и не будутъ уплачены. Но чтобы возвратить потерю при такой системѣ, естественно, каждый купецъ, давая въ долгъ, подымаетъ цѣны на свои товары.

Съ другой стороны, такъ какъ большая часть товаровъ привозилась на единственномъ пароходѣ главнаго купца въ краѣ, Филиппеуса, то понятно, конкурренціи тамъ создаться не могло: Филиппеусу, конечно, не было надобности возить товары для купечества и тѣмъ создавать себѣ конкурренціи.

Этими двумя обстоятельствами и кромѣ того весьма естественнымъ положеніемъ, что купецъ не предприметъ дѣла въ такомъ отдаленномъ краѣ, не разсчитывая на большой процентъ, можно объяснить и высокія цѣны на товары. Но если эти цѣны доходятъ до поразительныхъ размѣровъ, то вторымъ слагаемымъ въ этой общей суммѣ, кромѣ раскладки на товары стоимости перевозки ихъ внутрь страны, надо признать также алчность мелкаго купечества и довѣренныхъ Филиппеуса. Какъ примѣръ въ этомъ отношеніи не безъинтересно привести разность цѣнъ на товары, которые Филиппеусъ ставитъ своимъ довѣреннымъ и цѣнъ, по которымъ товары продаются въ краѣ.

Вотъ цѣны на одни изъ болѣе употребляемыхъ населеніемъ предметовъ:

	Цѣны во Владивост.	Цѣны поставленн. Филиппеусомъ.	Продаются его довѣреннымъ.
Махорка	8 р. пуд.	15 р. пудъ.	1 р. фунтъ или 40 р. пудъ.
Кирпичный чай 1 ящикъ (64 кирп.)	23 р.	40 р.	до 2 р. кирпичъ или до 128 р. ящ.
Неводное прядиво			
1 сортъ . . .	—	85 к. фунтъ.	1 р. 50 к. ф.
2 сортъ . . .	—	75 „ „	1 „ 30 „ „
3 сортъ . . .	—	70 „ „	1 „

Цѣны дѣйствительно высоки и, казалось бы, единственнымъ средствомъ борьбы съ этимъ положеніемъ можетъ быть только созданіе конкурренціи, которая съ прекращеніемъ въ Камчатку рейсовъ Филиппеуса, вѣроятно, и создастся сама собою: тогда явятся мелкіе купцы, которые на небольшія суммы будутъ самостоятельно выписывать товары и конкурировать между собою.

Въ дополненіе характеристики края не лишнее сказать нѣсколько словъ о ѣздѣ въ немъ.

Обыкновенныхъ дорогъ, какія подъ этимъ именемъ принято понимать, въ краѣ не существуетъ. Лѣтомъ ѣзды почти нѣтъ: все населеніе проводитъ время на рыбныхъ промыслахъ и если случается ѣздить, то большею частью на ботахъ по рѣкамъ, а затѣмъ верхомъ на лошадяхъ по узкимъ тропинкамъ. Тропинки, проложенныя пѣшеходами, поражаютъ своею малою шириною и это объясняется самой манерой камчадаловъ ходить: на ходу они ставятъ ноги одну ступню за другою.

Зимою же ѣзда на нартахъ (саняхъ), запряженныхъ собаками; въ нарты запрягаютъ отъ 8 до 10 и 20 собакъ. Такимъ образомъ, можно сказать, собака — единственное средство для передвиженія въ краѣ и за цѣлые сутки пути и переѣздъ въ 100 верстъ она довольствуется одной юколой въ день. Для корма собакъ берется съ собою запасъ, но можно ѣхать и безъ него, такъ какъ у камчадаловъ вошло въ обыкновеніе заготовлять обществомъ въ каждой деревнѣ юколу для корма собакъ проѣзжающихъ. Собакъ въ краѣ считается 9286, или въ среднемъ болѣе 9 собакъ на хозяйство. Цѣны на собакъ отъ 3-хъ до 25 рублей. При поѣздкахъ по краю зимою, чтобы пользоваться протоптанною дорогою, обыкновенно нѣсколько ѣдущихъ въ одномъ направленіи соединяются вмѣстѣ и чередуются передними партами во время пути.

Объѣздъ края исправникомъ совершается разъ въ годъ, зимою и продолжается около $1^1/_2$ или 2-хъ мѣсяцевъ, во время которыхъ приходится сдѣлать до 4000 верстъ. Предварительно изъ Петропавловска посылается старостамъ маршрутъ исправника и они должны собрать собакъ и назначить проводниковъ (кюрочныхъ) для его слѣдованія. Поѣздъ, считая парты для исправника, окружного врача, казака, провизіи, медикаментовъ, составляется изъ 5, 6 партъ, кромѣ того къ нему присоединяется нѣсколько партъ мѣстнаго купечества, ѣдущихъ въ край.

Переѣзды отъ деревни до деревни простираются отъ 12 до 90

верстъ [1]). Собаки дѣлаютъ по 100 верстъ въ день отъ восхода солнца до его заката, но это въ хорошую погоду, во время же пургъ приходится дѣлать по 5 и 6 верстъ.

Особенно великъ и трудепъ перевалъ черезъ хребетъ, когда приходится переѣзжать съ восточнаго берега полуострова на западный. Здѣсь приходится сдѣлать около 250 верстъ, не встрѣтивъ жилья и, подымаясь вверхъ на кручу, впрягать въ одинъ нарты собакъ всего поѣзда, иногда чуть не до 100 штукъ и наоборотъ, при спускахъ внизъ выпрягать ихъ всѣхъ и тогда коюрочные спускаютъ пустыя нарты, упираясь въ снѣгъ шестами (остолами). Иногда приходится ѣхать совершенно по карнизу надъ пропастью, сани идутъ все время полуоборотомъ, по крѣпкому, какъ ледъ снѣгу, собаки раскровепяютъ себѣ ноги и стоитъ оборваться ремню (потягѣ), къ которому припрягаются собаки, чтобы обрушиться въ бездну.

Во время этого объѣзда исправникъ собираетъ ясакъ, тутъ же ему подаются просьбы, жалобы, рѣшаются имъ дѣла, а окружный врачъ раздаетъ медикаменты, принимаетъ и осматриваетъ больныхъ. Это собственно единственный разъ въ году, когда населеніе видитъ у себя представителя администраціи и, конечно, объѣздъ этотъ составляетъ эпоху для населенія.

Продолжаю разсказъ о нашемъ плаваніи.

Плаваніе отъ Караги къ сѣверу и вдоль Чукотскаго полуострова. 21-е іюня застало насъ вблизи Карагинской бухты. Мы знали, что здѣсь должны наконецъ найти людей, капитанъ вооружается биноклемъ, чтобы, какъ онъ говоритъ, не пропустить „первые признаки цивилизаціи“ и дѣйствительно, на косѣ, отдѣляющей бухту отъ моря, скоро стали вырисовываться какія-то постройки: то были балаганы — лѣтнія становища камчадаловъ. Спустивъ вельботъ, отправились на берегъ.

Камчадалы (собственно это коряки), идя одинъ за другимъ, въ числѣ 10 человѣкъ вышли на встрѣчу и, подходя къ намъ, сняли шапки съ привѣтствіемъ „Здравствуйте!“, но, впрочемъ, по русски они вообще говорили немного.

На другой день мы поднялись на вельботѣ вверхъ по рѣкѣ верстъ на 12 въ зимнюю деревню Карагу. Въ деревнѣ есть маленькая часовня съ поразительно бѣдной обстановкой.

Деревня Карага—это сѣверная граница Петропавловскаго округа.

---

[1]) Въ Гижигинскомъ округѣ есть переѣзды въ 400 верстъ; здѣсь черезъ каждыя 100 верстъ ставятъ пустыя юрты и по повинности свозятся дрова.

23 іюня снялись съ якоря и къ вечеру перешли къ Карагинскому острову. Здѣсь на кошкѣ, отдѣляющейся отъ острова, мы нашли цѣлое становище корякъ, которые собрались сюда на промыселъ моржа. На другой день мы отправились къ нимъ. Становище это было временное и всѣ инородцы, хотя ихъ было около 35 человѣкъ, помѣщались подъ тремя опрокинутыми байдарами и въ двухъ палаткахъ изъ дрили.

Изъ одной палатки доносились какіе-то странные дикіе звуки и только по дѣтскому крику можно было догадаться, что эти звуки имѣли цѣлью усыпить ребенка: такъ они были мало похожи на припѣвы, убаюкивающіе дѣтей у насъ.

Всюду страшная грязь. На берегу просушивались три шкуры, снятыя съ только-что убитыхъ моржей; у одной изъ байдаръ старуха укладывала въ мѣшокъ изъ перпичьей шкуры снятый лентами жиръ моржа и тутъ же въ котелкѣ, подвѣшенномъ на треногѣ, варилось моржевое мясо; въ другомъ мѣстѣ уже собрались въ кружки и обѣдали, таская мясо прямо изъ котла руками.

Поговоривъ съ ними черезъ одного коряка (Егора) изъ деревни Карагинской, знавшаго немного по русски и взявъ Егора въ качествѣ переводчика, мы отправились сдѣлать визитъ единственному обитателю острова Карагинскаго. Юрта его помѣщается въ глубинѣ бухты, отдѣляющейся отъ моря кошкою. Теперь на лѣтнее время онъ помѣщался въ деревянномъ пакгаузѣ, оставленномъ съ прекращеніемъ здѣсь дѣйствій Россійско-Американской компаніи. Онъ живетъ съ женой и женатымъ сыномъ. Зимою они занимаются охотою на лисицъ, которыхъ на островѣ довольно много и мы нашли у него прекрасную чернобурую лисицу. Мѣха свои онъ отдавалъ за всякую цѣну, что бы ему ни предложили и когда получалъ еще что нибудь въ подарокъ, вся семья на распѣвъ произносила „спасибо“.

На другой день двинулись далѣе на сѣверъ, взявъ курсъ на островъ Верхотурскій. Здѣсь на лойдѣ (низкой береговой полосѣ) было такое же становище корякъ. Небольшой, но высокій островъ весь покрытъ зеленой травой. Тучи утокъ (мормоновъ) гнѣздились на обрывахъ берега и составляли пока единственный предметъ продовольствія собравшихся здѣсь инородцевъ. Мальчишки охотились за ними, стрѣляя въ стаю изъ пращей, другіе возвращались, неся съ собою куски снѣга, сохранившагося въ тѣнистыхъ впадинахъ: ни одного ручейка на островѣ не было и снѣгъ замѣнялъ прѣсную воду. Инородцы просили взять ихъ съ собою и довезти до ихъ деревень. Капитанъ не отказалъ и вотъ мы въ компаніи человѣкъ

около 30 пассажировъ продолжали свое плаваніе. Одинъ изъ нихъ, пресимпатичный мужикъ, староста деревни Вивники, воображалъ себя лоцманомъ, но былъ страшно скопфуженъ, когда капитанъ ночью бросилъ якорь раньше, чѣмъ онъ совѣтовалъ и все таки утромъ оказалось, что мы уже прошли деревню.

На другой день, захвативъ болѣе всего спрашиваемые товары, нагрузили ими вельботъ и отправились на берегъ. Среди инородцевъ уже образовались свои купцы-кулаки и нужно было имѣть много терпѣнія, чтобы сговориться съ ними, хотя цѣны, предлагавшіяся капитаномъ, были гораздо выгоднѣе тѣхъ, которыя имъ даютъ мѣстные русскіе купцы.

Такъ крейсируя вдоль побережья и перевозя корякъ съ одного мѣста на другое, мы обошли всѣ лѣтнія становища сидячихъ корякъ по этому берегу. Въ каждомъ селеніи останавливались для торговли и, закончивъ ее, давали въ подарокъ старостамъ портреты Государя Императора и Государыни Императрицы. Портреты разсматривались всегда съ большимъ вниманіемъ, но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ они уже были раньше. Въ одномъ селеніи изъ разговоровъ было видно, что по картинкамъ они знаютъ о бывшей Русско-Турецкой войнѣ, но было очевидно, что для нихъ имя русскихъ и турокъ было равнозначно.

Чѣмъ дальше подвигались мы на сѣверъ, тѣмъ рѣже становились селенія и за мысомъ Олюторскимъ лишь изрѣдка попадались отдѣльныя юрты. Уже начиная съ деревни Вивники плаваніе нельзя назвать совсѣмъ безопаснымъ. Карты береговъ до самаго Чукотскаго полуострова нѣтъ и мы каждую минуту рисковали наткнуться на какой нибудь подводный камень. Но вѣтровъ почти не было и мы при помощи своей машины потихоньку подвигались впередъ, открывая новыя прекрасныя бухты. Въ одну изъ такихъ мы вступили во время сильнаго тумана; въ такихъ случаяхъ впереди шелъ вельботъ, промѣряя глубину, а за нимъ уже подвигалась шхуна. Бросили якорь, не зная, не видя ничего, что насъ окружаетъ и на другой день были поражены величіемъ вида громадныхъ массивовъ, которыми была обставлена бухта. Почти отвѣсныя кручи спускались прямо въ воду, образуя совершенно закрытую бухту, громадной глубины. Бухта эта названа капитаномъ „Глубокою“; она дѣлаетъ два развѣтвленія того же характера, которыя мы также обошли въ надеждѣ встрѣтить какое нибудь поселеніе, но всѣ поиски были тщетны.

Въ одной изъ бухтъ мы встрѣтили слѣды жилья: тутъ былъ

остовъ юрты и на землѣ лежали различные предметы домашняго скарба, въ сторонѣ на жердяхъ была развѣшана для сушки рыба, но хозяевъ не было дома.

Составляя коллекцію, характеризующую жизнь инородцевъ сѣвера, мы взяли здѣсь нѣсколько предметовъ ихъ домашняго обихода и на тѣ же мѣста положили связки табаку, кирпичный чай и т. п. въ уплату за взятое. Надо думать каково было удивленіе возвратившихся, когда они нашли эти вещи, но о насъ, вѣроятно, ничего не знали: суда здѣсь не бываютъ.

Въ бухтѣ св. Анастасіи (мы открыли ее въ день рожденія вел. княгини Анастасіи Михаиловны) мы встрѣтили первыхъ людей, которые производили впечатлѣніе совершенныхъ дикарей: надо было видѣть восторгъ, съ которымъ они смотрѣли на мои погоны и пуговицы и жадность, съ которою женщины брались за нихъ, выпрашивая ихъ у меня.

Отъ мыса Наваринъ далѣе къ сѣверу селенія стали встрѣчаться чаще: это были по преимуществу оленные, кочующіе инородцы. Табуны ихъ въ 500 и 1000 головъ стерегутся однимъ или двумя людьми и когда на нашихъ глазахъ однажды табунъ сталъ уходить въ сторону, достаточно было хозяину крикнуть: „хакъ, хакъ, оу“, чтобы все стадо повернуло назадъ. Но, къ сожалѣнію, мы только одинъ разъ воспользовались здѣсь этимъ прекраснымъ оленьимъ мясомъ, хотя олени цѣнились инородцами очень дешево: за купленнаго оленя при промѣнѣ на товаръ пришлось заплатить всего около 60 к. серебромъ.

Не доходя Анадырской губы отошли отъ берега и направились на сопку „Примѣтную“ и къ мысу Саломатова, съ тѣмъ чтобы отсюда уже идти въ Анадырскую Губу.

Среди чукчей, прибывшихъ съ мыса Саломатова, было нѣсколько крещеныхъ и мѣдные крестики были выставлены у нихъ наружу, поверхъ куклянки. Знаками, которыми мы уже привыкли объясняться съ ними, они сообщили намъ, что въ Анадырской губѣ есть священникъ. Теперь посѣщеніе этой губы стало для меня еще болѣе интереснымъ: надежда—встрѣтить священника, отъ котораго можно получить много полезныхъ свѣдѣній и разъяснить значеніе нѣкоторыхъ подмѣченныхъ, но несовсѣмъ понятныхъ фактовъ изъ жизни этихъ полудикарей, оживила утомленное однообразіемъ жизни настроеніе духа. Попутное теченіе и попутный вѣтеръ быстро принесли насъ къ устью р. Анадырь и посреди громадной бухты, окруженной селеніями оленныхъ чукчей, вечеромъ 24-го іюля мы

бросили свой якорь. Тотчасъ же въ двухъ байдарахъ на шхуну прибыло около двадцати человѣкъ чукчей. Среди нихъ было нѣсколько крещеныхъ и одинъ порядочно говорившій по-русски. Крещеные, входя на палубу, непремѣнно дѣлали крестное знаменіе и, какъ потомъ оказывалось, нѣкоторые, зная, что это русское судно, прежде чѣмъ идти на него, обращались къ священнику съ просьбою дать ему крестъ, взамѣнъ утерянаго. Безъ креста они даже боялись идти: такое впечатлѣніе произвели на нихъ русскіе, когда на ихъ глазахъ клипером „Разбойникъ“ была арестована здѣсь американская шхуна. До тѣхъ поръ они считали американцевъ сильнѣе всѣхъ, теперь же, когда они услыхали сигнальные выстрѣлы изъ орудій и увидали арестъ шхуны, все уваженіе къ силѣ перешло на сторону русскихъ. Скоро, прибывая одинъ за другимъ, чукчи наполнили собою чуть не всю палубу; священникъ же, опасаясь порядочной волны, не рискнулъ тотчасъ же прибыть на судно и на другой день прислалъ записку съ просьбою выслать за нимъ вельботъ. Но однако желаніе видѣть далекихъ соотечественниковъ превозмогло его осторожность и онъ, не дожидаясь вельбота, прибылъ съ своимъ причтомъ на собственной лодкѣ. На шхунѣ онъ предполагалъ провести лишь нѣсколько часовъ, но вѣтеръ, въ открытомъ морѣ перешедшій въ штормъ, поднялъ здѣсь такую волну, что съѣхать съ судна онъ уже никакъ не рисковалъ и такимъ образомъ вмѣсто нѣсколькихъ часовъ провелъ у насъ цѣлыхъ два дня, которые, какъ онъ говорилъ, будутъ надолго памятны для него.

О. Митрофанъ Шинкинъ—такъ звали нашего гостя—живетъ въ должности миссіонера въ сел. Марково, на верхнемъ теченіи р. Анадырь, уже съ 1864 г., а раньше жилъ 7 лѣтъ въ Нижне-Колымскѣ. Имѣя въ теченіе 28 лѣтъ постоянныя сношенія съ инородцами сѣвера, онъ хорошо познакомился какъ съ внѣшними условіями ихъ быта, такъ и съ ихъ духовными міровоззрѣніями. Онъ свободно объяснялся съ чукчами на ихъ языкѣ.

Въ два года одинъ разъ онъ спускается на лодкѣ внизъ по теченію р. Анадырь, проповѣдуя Св. Вѣру среди язычниковъ, которые, крестясь, дѣлаютъ и посильныя приношенія и вотъ теперь у него оказался также запасъ мѣховъ, которые онъ и промѣнивалъ на товары, привезенные шхуною.

Въ ночь на 27-е іюля на горы выпалъ первый снѣгъ. На другой день мы свезли священника на берегъ, снялись съ якоря и отправились далѣе на востокъ, взявъ курсъ прямо на бухту Провидѣнія.

По пути часто встрѣчались байдары съ товарами, купленными у американцевъ и которые чукчи везли для перепродажи въ Анадырскую Губу и далѣе вверхъ по р. Анадырь. Преимущественно везли, конечно, ромъ. Байдары при встрѣчѣ съ нами всегда останавливались и подходили къ судну, присматриваясь кто идетъ. Но по конструкціи судно оказывалось незнакомымъ, они присматривались къ лицамъ и, узнавъ своего стараго знакомаго—американца, нашего перваго штурмана, обыкновенно вскакивали на палубу съ изъявленіемъ радости: A. M-r Lincoln! You, by God! и затѣмъ слѣдовалъ цѣлый потокъ англійской рѣчи, которымъ сообщались м-ру Линкольну послѣднія новости о его соотечественникахъ и о каждомъ поименно, съ какимъ успѣхомъ онъ торговалъ, билъ китовъ и что предполагаетъ дѣлать на будущій годъ.

Отъ американцевъ они хорошо знали, что нашего военнаго крейсера въ этомъ году не будетъ, всегда очень удивлялись, когда имъ говорили, что это русское торговое судно и интересовались знать о цѣли моего прибытія къ нимъ.

Мы вступали въ совершенно иную среду: цивилизація дала здѣсь уже нѣсколькихъ субъектовъ, нисколько не похожихъ на другихъ полудикарей. Лишь только мы вступили въ бухту Пловэръ (часть бухты Провидѣнія), какъ въ числѣ другихъ подошелъ, но не на байдарѣ, а на вельботѣ подъ парусомъ, чукча Каниллъ, который долго жилъ въ С.-Франциско и по манерамъ, разговору былъ совершенный янки. Его пригласили вмѣстѣ съ его супругой къ столу и всѣ вопросы какъ держать вилку, ножикъ, ложку, какое примѣненіе дать горчицѣ, пикулямъ и пр. разрѣшались имъ совершенно по-европейски. За обѣдомъ онъ занималъ насъ разговорами и, между прочимъ, жаловался на то, что ему нечего читать, просилъ дать ему что нибудь и, между прочимъ, просилъ календарь.

Изъ бухты Провидѣнія двинулись далѣе и, обходя все время берега, останавливались каждый день для торговли съ чукчами. Шли все время по лоту, но все-таки не обходилось и безъ неожиданностей. Когда мы проходили въ проливѣ Синявина, отдѣляющемъ островъ Аракамченъ отъ материка, матросъ, показывавшій глубину, только что выкрикивалъ 13 сажень, а вслѣдъ за этимъ раздался страшный шумъ. Мы сидѣли за чаемъ. Капитанъ съ м-ромъ Линкольномъ, обратившись другъ къ другу, въ одинъ голосъ задаются вопросомъ: „Это какой“? Шхуна сѣла, наткнулась на крѣпкую банку на мель и хотя взошла на нее только носомъ, но все-таки на столько, что лишь черезъ 3 часа намъ удалось спяться, предвари-

тельно свезя почти весь грузъ. Къ счастью, море было совершенно спокойно.

11-го августа мы вступили въ Ледовитый океанъ, а 20-го августа обогнули мысъ „Сердце-Камень“ и подошли къ сел. Упырмень. Здѣсь мы узнали отъ чукчей, возвращавшихся изъ Колючинской губы, что тамъ свирѣпствуетъ какая-то болѣзнь. Вѣроятно, то шла оспа изъ Нижне-Колымска, о которой намъ говорилъ и священникъ Шиницынъ. Капитанъ не рискнулъ идти далѣе, но не оставлялъ еще своего намѣренія пройти къ землѣ Врангеля. Три съ половиною мѣсяца плаванія въ сѣверныхъ моряхъ уже успѣли наскучить всѣмъ. Дисциплинированная команда если могла что нибудь знать о предположеніяхъ капитана, то только черезъ меня; каждый день меня спрашиваютъ не знаю ли. когда мы повернемъ назадъ? Къ сожалѣнію, ничего еще не было извѣстно.

22-го августа мы взяли курсъ на сѣверъ, къ землѣ Врангеля, но въ тотъ же день вокругъ судна вдругъ сталъ слышенъ сильный шумъ и черезъ туманъ стало уже возможно разглядѣть плавающія бѣлыя массы. Это былъ ледъ, который хотя и раньше былъ уже видѣнъ, но въ первый разъ оказался такъ близко. Капитанъ, не рискуя, быть можетъ, подвергнуть себя участи „Жанеты“, рѣшилъ повернуть назадъ и ограничиться торговлей съ чукчами на обратномъ пути. Какъ только мы повернули назадъ, къ капитану подходитъ одинъ матросъ и проситъ у него разрѣшенія остаться здѣсь. Это былъ нѣкто Максимъ Вороновъ, личность оригинальная съ странно развитою страстью къ путешествіямъ. Онъ былъ на службѣ рядовымъ резервнаго баталіона въ городѣ Борисоглѣбскѣ и когда былъ зачисленъ въ запасъ, у него явилось желаніе странствовать. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что „наша бабушка и наша тетенька—какъ онъ говорилъ—ходили на Аоонскія горы, въ Старый Іерусалимъ, ну вотъ теперь и намъ захотѣлось посмотрѣть, какъ въ другихъ мѣстахъ люди живутъ“ и вотъ съ этою цѣлью онъ записался на жительство въ гор. Петропавловскъ, „такъ какъ по моему—говоритъ—это вышло самое далекое мѣсто“. Путь до Владивостока, покруживъ раньше ошибкою по югу Россіи, онъ сдѣлалъ на пароходѣ добровольнаго флота, а теперь, чтобы продолжать свои путешествія, нанялся матросомъ на шхуну „Сибирь“. Когда мы прибыли въ Петропавловскъ, исправникъ сообщилъ ему, что онъ никакъ не могъ предположить, чтобы нашелся кто-нибудь желающій поселиться здѣсь и, предполагая ошибку, онъ всѣ его бумаги еще съ зимнею почтою отправилъ для передачи въ Петро-

павловскъ Акмолинской области, но Вороновъ, нисколько не смутившись, заявляетъ, что онъ и не думаетъ здѣсь оставаться, какъ потомъ онъ объяснялъ, потому, что „здѣсь люди такіе же, какъ и у насъ, да только очень бѣдно живутъ“, но вотъ теперь онъ рѣшилъ остаться „не у такихъ людей, какъ у насъ“, но, можетъ быть, къ счастью его, ему этого не разрѣшили сдѣлать и онъ возвращался съ нами во Владивостокъ.

24 августа мы перешли къ острову Ратманова, въ группѣ Діомидъ, посреди Берингова пролива. Группу составляютъ два острова: Ратманова и Крузенштерна, они раздѣляются между собою проливомъ, менѣе одной мили шириною; первый изъ нихъ принадлежитъ Россіи, а второй Соединеннымъ Штатамъ.

Здѣсь въ сел. Инне, на южной сторонѣ острова шхуна также имѣла торговлю. Но если вообще чукчи живутъ бѣдно и грязно, то трудно себѣ представить, въ какой невообразимой грязи и бѣдности живутъ эти.

Моржа они почти не видятъ, питаются почти исключительно морскими утками и теперь, какъ запасъ пищи, намъ случилось еще видѣть въ старой бочкѣ разложившійся жиръ кита, который разливался по землѣ и издавалъ отвратительный запахъ. На другой день мы обошли вокругъ острова. Оба острова совершенно одинаковы и представляютъ собою высокіе дикіе массивы, лишенные всякой растительности, кромѣ моха, мѣстами покрывающаго ихъ. Когда мы были въ проливѣ, американскіе индѣйцы съ острова Крузенштерна пришли также съ мѣхами на своихъ байдарахъ.

Не интересенъ видъ самыхъ острововъ: глазъ уже приглядѣлся къ такимъ картинамъ, но цѣнно было сознаніе, что стоишь на рубежѣ Стараго и Новаго свѣта. Въ хорошій, свѣтлый день въ двухъ противоположныхъ сторонахъ виднѣлись высокіе мысы: Восточный, принадлежащій Азіи и принца Валлійскаго — Америкѣ.

Здѣсь въ сел. Инне, капитанъ предложилъ одному мальчику Пададли идти съ нами въ Россію. Онъ сразу согласился и поѣхалъ на берегъ, чтобы поговорить съ отцомъ. Сборы были непродолжительны и черезъ полчаса, въ сопровожденіи отца, онъ уже явился на судно. Хотя отецъ отпускалъ его только на годъ, но все таки, казалось, нужно было ожидать болѣе трогательной сцены прощанія. Однако прощанія въ сущности никакого не было; когда мы поставили паруса, чтобы идти снова къ Восточному мысу, отецъ вмѣстѣ съ остальными сѣлъ въ свою байдарку и отправился на берегъ,

перекинувшись съ сыномъ, оставшимся на суднѣ, лишь нѣсколькими словами.

На другой день рано утромъ, я былъ разбуженъ капитаномъ, приглашавшимъ меня проститься со льдами. Дѣйствительно, судно было окружено мелкими льдинами и такимъ образомъ, къ Восточному мысу уже нельзя было подойти. Но впослѣдствіи оказалось, что мы еще не совсѣмъ простились со льдомъ: когда шхуна подходила къ мысу Чаплина, ледъ принесло сюда.

Температура воздуха въ это время значительно понизилась и уже съ 25 августа, термометръ не показывалъ выше 4° R., 31 августа въ 4 часа дня было 0°, а по ночамъ вода въ бочкахъ стала замерзать и небольшія бухты начали затягиваться льдомъ, по которому уже могли свободно бѣгать собаки.

На пути къ бухтѣ Провидѣнія зашли въ бухту Ткаченъ (Чаченъ). Когда мы были здѣсь еще въ первый разъ, видѣли на берегу скелетъ одного чукчи, но взять его тогда не рискнули изъ опасенія раздражить этимъ инородцевъ. Капитанъ разсказывалъ фактъ, какъ тѣ же дикари въ Аляскѣ 800 миль преслѣдовали доктора Якобсона и, нагнавъ, заставили принести и положить скелетъ назадъ, грозя въ противномъ случаѣ смертью. За тревоженіе останковъ умершаго они ожидаютъ для себя большихъ бѣдъ, какъ бы въ отмщеніе, и только хитростью Якобсону удалось увезти черепъ. Теперь намъ взялся помочь одинъ объамериканившійся чукча Хаммеръ (означаетъ молотокъ—это передѣланное на англійскій языкъ имя, какъ и у большинства чукчей).

Онъ дѣлалъ это съ большимъ страхомъ и опасностью для себя. Надо было быть осторожнымъ; капитанъ взялъ мѣшокъ и, собирая камни, между прочимъ, незамѣтно положилъ въ него черепъ. Такимъ образомъ ему удалось получить и, какъ я потомъ слышалъ, выслать для Академіи Наукъ весьма рѣдкій экземпляръ, такъ какъ вообще своихъ умершихъ чукчи сжигаютъ, но этотъ умеръ еще до образованія здѣсь селенія.

7 сентября мы во второй разъ вступили въ бухту Провидѣнія и такимъ образомъ обошли два раза берегъ Чукотскаго полуострова. Здѣсь чукчи уже одѣваются во вторые мѣха, строютъ зимнія юрты, и намъ настало время собираться въ обратный путь. Но идти въ открытое море съ такимъ малымъ баластомъ, какой теперь у насъ, было рискованно. Команда и чукчи таскаютъ съ берега камни, кости кита и шхуна мало-по-малу погружается глубже.

Но прежде чѣмъ говорить о нашемъ обратномъ плаваніи, по-

пытаюсь свести въ одно все, что намъ удалось видѣть и слышать на мѣстѣ о жизни этихъ нашихъ далекихъ соотечественниковъ.

Инородцы восточной части Гижинскаго округа. Главную часть населенія составляютъ коряки, смежные съ Камчаткой, и чукчи на Чукотскомъ полуостровѣ и къ сѣверу отъ р. Анадырь. Между ними (по Апукинскому и Туменскому берегу) живетъ народъ, сродный по языку какъ тѣмъ, такъ и другимъ, вѣроятно происшедшій отъ браковъ между коряками и чукчами и извѣстный въ общежитіи подъ именемъ чукмарей.

Но въ общемъ не національность опредѣляетъ различіе въ складѣ жизни инородцевъ сѣвера, а различіе это находимъ въ самыхъ условіяхъ, которыми обставлена жизнь той или другой части населенія, и главный факторъ, вліяющій на тотъ или другой образъ жизни — это олень. Инородцы, имѣющіе оленей (оленные), живутъ одною жизнью, не имѣющіе ихъ (сидячіе) — другою.

Какъ оленные, такъ и сидячіе есть и между коряками, и между чукчами; но образъ жизни сидячихъ корякъ, смежныхъ съ Камчаткой, существенно отличается, въ свою очередь, отъ образа жизни сидячихъ чукчей берега Берингова моря и пролива и берега Ледовитаго океана. А потому, при изложеніи характеристики жизни этихъ народовъ, естественнѣе придержаться раздѣленія ихъ въ зависимости отъ условій ихъ обстановки; такимъ образомъ, мы прежде скажемъ о сидячихъ корякахъ, затѣмъ объ оленныхъ инородцахъ (какъ корякахъ, такъ и чукчахъ) и наконецъ, о сидячихъ чукчахъ.

Чукмари. Въ отношеніи умственнаго развитія чукмари замѣтно отличаются какъ отъ корякъ, такъ и отъ чукчей. Къ нимъ не заходятъ ни русскіе купцы, ни иностранныя суда и если нѣкоторые знаютъ „ромъ“ и нѣсколько словъ по англійски, то отъ побывавшихъ на берегу Чукотскаго полуострова. Въ общемъ же народъ этотъ производитъ впечатлѣніе совершенныхъ дикарей: они всѣ идолопоклонники. Европейскаго привѣтствія пожатіемъ руки не знаютъ, а трясутъ за плечи, гладятъ по головѣ, не рѣдко сопровождая это какими-то дикими восклицаніями; встрѣчались такіе, которые не знали употребленія спичекъ и не брали ихъ даже какъ подарокъ, добываютъ же огонь треніемъ дерева, вращая тетивой инструмента, въ родѣ лука, кругленькую палочку на сухомъ полѣнѣ; такъ какъ къ нимъ не заходятъ суда, то и карты ихъ берега не было. Между ними есть также сидячіе и оленные. Женщины у этого народа имѣютъ замѣтно большее значеніе, чѣмъ у другихъ:

онѣ руководятъ всѣмъ хозяйствомъ, принимаютъ большое участіе въ торговлѣ и на видъ кажутся развитѣе мужчинъ.

Сидячіе коряки. Складъ жизни сидячихъ корякъ нѣсколько сходенъ со складомъ жизни сѣверныхъ камчадаловъ. По берегу сѣверная граница раіона, запятаго ихъ поселеніями, можетъ быть приблизительно обозначена мысомъ Олюторскимъ.

Коряки живутъ также въ селеніяхъ, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ и преимущественно въ нижнихъ ихъ теченіяхъ. Селенія ихъ состоятъ изъ земляныхъ юртъ, большая часть которыхъ строится слѣдующимъ образомъ: вырывается круглая яма въ 1 или $1^1/_2$ аршина глубины и около 4 или 5 саженъ въ діаметрѣ; на днѣ ямы, въ средней ея части, по прямоугольнику врываются 4 или 6 столбовъ, высотою въ 1 или $1^1/_2$ сажени; столбы эти связываются на верху балками, отъ которыхъ идутъ переводины на окружность ямы. Стѣны ямы обыкновенно обставляются плахами; такими же плахами, настланными на переводины, образуется потолокъ и все это обсыпается землей. Такимъ образомъ, снаружи юрта имѣетъ видъ невысокаго холмика. На верху оставляется квадратное отверстіе для выхода дыма, оно же служитъ окномъ для свѣта и входомъ въ юрту; въ юрту спускаются по приставной лѣстницѣ: бревну съ нарубленными на немъ ступеньками. Пространство между боковою стѣною и средними столбами окаймляется пластинами дерева, устилается оленьими шкурами или коврами, плетеными изъ травы и служитъ нарами. Внутри юрты у стѣны горитъ очагъ (костеръ), надъ которымъ вѣшается котелъ; къ очагу ведетъ снаружи узенькій корридоръ, который главнымъ образомъ служитъ для притока воздуха, но иногда имъ пользуются какъ входною дверью. На одной части стѣны набиваются полки для домашней посуды. Домашняя посуда состоитъ изъ котловъ, мѣдныхъ чайниковъ и досокъ, замѣняющихъ блюда; у нѣкоторыхъ встрѣчаются деревянныя чашки, ложки, а у немногихъ сверхъ того фаянсовыя чашки, чайники, тарелки, покупаемые у русскаго купечества. На топливо въ юртахъ употребляютъ вѣтви кустарника и лѣсъ, приносимый рѣчками съ верхнихъ теченій.

У каждаго селенія, выходящаго на лѣтній промыселъ къ морю, есть здѣсь балаганы совершенно такой же постройки, какъ и у камчадаловъ.

По внѣшнему виду коряки того же монгольскаго типа съ широкими скулами и нѣсколько узко прорѣзанными глазами, средняго роста, какъ и камчадалы, по большею частью высокогрудые, ши-

рокоплечіе брюнеты, также съ слабою растительностью на лицѣ. Голову мужчины брѣютъ, оставляя по окружности головы небольшой вѣнчикъ волосъ, но встрѣчаются изрѣдка и такіе, которые носятъ длинные волосы, расплетая ихъ на двѣ или болѣе косъ. Женщины носятъ двѣ косы, въ косы вплетаютъ нитки бисера, такія же нитки павѣшиваютъ на уши, носятъ на шеѣ, что дѣлаютъ и нѣкоторые мужчины. Оригинальное явленіе, подмѣченное у всѣхъ инородцевъ сѣвера, это то, что они съѣдаютъ зубы, какъ травоядныя животныя.

Народъ вообще весьма грязный какъ въ содержаніи себя, такъ и въ домашней обстановкѣ, но симпатичный, добронравный и весьма смышленный на видъ: они отлично понимали карту и сразу опредѣляли на ней положеніе знакомыхъ имъ мѣстъ.

Исключительную почти пищу этого населенія составляетъ рыба, затѣмъ медвѣжина, нерпа и иногда моржъ. Муку вовсе не употребляютъ, за неимѣніемъ по близости складовъ, и кромѣ того у нихъ нѣтъ печей для приготовленія хлѣбовъ. Всѣ любятъ чай и много спрашиваютъ его.

Продажа водки также запрещена въ округѣ и они ее не спрашиваютъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ (2 или 3) купцовъ, но и тѣ брали ее очень мало и только для себя. Торговали же вообще безъ нея.

Одежду корякъ составляетъ куклянка. Это рубашка, длиною нѣсколько ниже колѣнъ и сшитая изъ оленьихъ шкуръ. Она носится или наружу или внутрь шерстью; зимою же обыкновенно носятъ двухстороннюю куклянку, которая составляется изъ двухъ куклянокъ, надѣтыхъ одна на другую и сшитыхъ вмѣстѣ, причемъ обѣ обращены шерстью наружу. Лѣтомъ же многіе замѣняютъ куклянку дымленкой, которая еще называется комлейкой (это все названія, принятыя русскими) и имѣетъ покрой куклянки, но дѣлается изъ выдѣланной оленьей шкуры, безъ шерсти.

Болѣе достаточные въ нѣкоторыхъ случаяхъ надѣваютъ куклянки, шитыя внизу шелками и бисеромъ и опушенныя выдрой. Это украшеніе въ Камчаткѣ называютъ „уполаномъ“. Куклянка опоясывается ремнемъ, на которомъ носится въ чехлѣ ножъ. Штаны сшиваются изъ полосъ шкуръ, снятыхъ съ ногъ оленя; изъ такихъ же шкуръ дѣлаются торбаза (сапоги); торбаза зимою надѣваются на чажи—короткіе чулки изъ оленьей шкуры, сшитые мѣхомъ внутрь. Лѣтомъ торбаза замѣняются унтами — это такіе же торбаза, но безъ шерсти, они обыкновенно или чернятся или красятся

въ красный цвѣтъ сокомъ ольховой коры; какъ торбаза, такъ и унты подшиваются подошвой изъ перпичьей шкуры. Малахай (головной уборъ) имѣетъ видъ чепца и сшивается изъ шкуръ съ ногъ пыжиковъ (телятъ олепя), спереди его иногда обшиваютъ мѣхомъ выдры. Бѣлья вообще не носятъ. Одежда женщинъ въ общемъ отличается весьма немногимъ. Такъ, куклянка дѣлается съ болѣе широкими рукавами и не подпоясывается ремнемъ, штаны изъ цѣльныхъ оленьихъ шкуръ дѣлаются болѣе широкими, какъ русскіе шаровары и носятся на пришивномъ лифѣ изъ той же шкуры; нѣкоторыя изъ женщинъ носятъ иногда платья нѣмецкаго покроя и на головѣ платки. Дѣти, примѣрно до 2-хъ лѣтъ, носятъ совершенно особый костюмъ; онъ дѣлается также изъ оленьихъ шкуръ мѣхомъ внутрь и состоитъ изъ лифа съ башлыкомъ и рукавами, штановъ и сапоговъ, все вмѣстѣ составляющихъ одно цѣлое; такимъ образомъ, весь костюмъ надѣвается сразу съ ногъ. Для чистоты же и удаленія экскрементовъ на штанахъ дѣлается прорѣзь и между ногами у ребенка подвѣшивается корзинка-котелокъ изъ той же оленьей шкуры. Все это дѣлаетъ ребенка чрезвычайно неповоротливымъ; онъ ходитъ, разставляя ноги въ стороны и если упадетъ, то самъ встать не можетъ.

Къ дѣтямъ родители относятся вообще съ большою любовью. Грудныя дѣти кормятся матерью по крайней мѣрѣ до трехъ, а иногда и до пятилѣтняго возраста, такъ что нерѣдко ребенокъ чисто говоритъ, ѣстъ все и въ то же время кормится молокомъ матери. Няньчая ребенка, мать не носитъ его на рукахъ, какъ у насъ, а сажаетъ его верхомъ на плечо или за спину. Ребенка обыкновенно кладутъ спать въ корзинку, сдѣланную изъ морской травы и ниток изъ крапивы и которая замѣняетъ нашу колыбель; къ корзинкѣ этой придѣлана петля изъ широкой полосы кожи; петлю эту женщина надѣваетъ на лобъ, такъ что корзинка приходится за плечами и затѣмъ съ ней женщина ходитъ взадъ и впередъ, выкрикивая при этомъ звуки, не имѣющіе ничего схожаго съ нашимъ убаюкиваніемъ и которые скорѣе бы испугали нашего ребенка.

Говорятъ коряки на своемъ языкѣ, и въ 6 пунктахъ, гдѣ шхуна имѣла съ ними торговлю, мы видѣли только одного, немного говорившаго порусски и двоихъ, которыхъ можно было съ трудомъ понимать, а остальные знаютъ только „здорово“, „спасибо“, да еще „ну, пріятель!“ часто произносимое ими, чтобы склонить торгующаго къ уступкѣ.

Для характеристики ихъ языка мною было записано нѣсколько словъ, вотъ они:

Царь — тыткаръ.
Человѣкъ — уямтауэльэмъ.
Отецъ — ыллягенъ [1]).
Мать — ылля.
Жена — гавъанъ.
Голова — лаутъ.
Глаза — лалауиво.
(слитно)
Носъ — ыгынмыкъ.
Ротъ — рыккырычэнъ.
Губы — ӧммылэкернэ.
Зубы — Ваннугге.
Языкъ — ылиниръ.
Ухо — вилоуггэ.
Усы и борода — лалоугвэ.
Волосы — кытуэръ.
Нога — иткалгэнъ.
Товаръ — Кимитъэнъ.
Ясакъ — таханакъ.
Солнце — тыткопель.
День — аллувотъ.
Ночь — пакыиндкъ.
Земля — нӯталканъ.
Гора — нэенге.
Вода — мымаль.
Снѣгъ — эль-эль.
Гора — пэенге.
Лѣсъ — ӯттуутъ.
Дерево — лӯупна.
Море — анканъ.
Рѣка — ӯайямъ.
Ручей — хайваяммель.
Трава — туайякъ.

Солома — калгопе.
Камень — кыммагуэнъ.
Трубка — к(х)аньтча.
Куклянка — йттъэнъ.
Штаны — хӯнайэ.
Торбаза — плако.
Комлейка — натамъитанъ.
Олень — курапга.
Собака — аттъ-анъ.
Лисица — татӯль.
Соболь — кытыгымъ.
Песецъ — тыхукъ.
Медвѣдь — кэгэнъ.
Волкъ — эгыллыгенъ.
Баранъ — кэтэпыынгъ.
Сивучъ — уллооль.
Нерпа — калылъэнъ.
Моржъ — тэтка.
Чайки — яккаакъ.
Малахай — панкха.
Рукавицы — лилыгугэ.
Есть — итыткэнъ.
Нѣтъ — аллакъ.
Да — го.
Ладно, хорошо — малькытывэль.
Сколько — мангъиначъ.
Старый — панъынъ.
Новый — мытӯрьекэнъ.
Давно — ынкіяпнъ.
Нужно — гэмутъилгытаэпъ.
Не надо — нуанге.
Близко — сэмукэ.
Далеко — явакэ.
Только — инэккэнъ.
Все равно, одинаково — туайякъ.
Хотѣть, желать — мыккыайамтеткэнъ.

[1]) Въ обращеніи же къ родителямъ дѣти называютъ отца — папанъ, а мать — мама.

Ѣсть — моикъ.
Торговать — кувыликумъ.

1 — Ыннанъ.
2 — Гыйтакъ.
3 — Груккъанъ.
4 — Граккъанъ.
5 — Мыллагэнъ.
6 — Нанмыллагэнъ.
7 — Митагымыль.
8 — Рухмылякъ.
9 — Рахмылякъ.
10 — Мныиткэнъ.
11 — Ыннаннопатэлэ.
12 — Ыйтанопатэлэ.
13 — Груккъопатэлэ.
14 — Граккъопатэлэ.
20 — Хлыткэнъ.
21 — Ыннанъ Хлыткэнъ.
и т. д.

По религіи большая часть этого населенія считается православною. Но это лишь номинальные христіане и на всемъ этомъ берегу есть только одна церковь въ дер. Хаэлекъ, на р. Вивники. Деревня эта, по словамъ корякъ, верстахъ въ 100 или 150 отъ устья рѣки и въ ней живетъ священникъ миссіонеръ со своимъ причтомъ.

Крещеные не оставляютъ своихъ прежнихъ вѣрованій, другъ друга не называютъ православными именами, а своими языческими.

О вѣрованіяхъ язычниковъ будетъ подробнѣе сказано ниже, когда рѣчь коснется жизни оленнаго населенія и чукчей, которые почти всѣ язычники, но здѣсь можно отмѣтить лишь фактъ, находящійся въ зависимости отъ условій жизни сидячихъ корякъ. Язычники, по своему весьма религіозные, не предпринимаютъ никакого сколько нибудь серьезнаго для нихъ дѣла безъ умилостивительныхъ и благодарственныхъ жертвъ. Такъ, отправляясь на промыселъ или за торговлей, они приносятъ въ жертву собаку и, возвратившись домой послѣ удачнаго дѣла,—другую, лучшую (передовую). Собаку эту убиваютъ и зимою цѣликомъ въ сидячемъ положеніи надѣваютъ на колъ и ставятъ на юрту, а лѣтомъ снимаютъ шкуру и набиваютъ ее травой. Такимъ образомъ въ селеніи можно видѣть нѣсколько такихъ принесенныхъ въ жертву собакъ.

Сидячіе коряки фактически находятся въ вѣдѣніи исправника Гижигинскаго округа, въ каждомъ селеніи есть также староста, избираемый населеніемъ и инородцы эти также обложены ясакомъ, который собирается съ нихъ, по словамъ самихъ корякъ, за два года одинъ разъ во время объѣзда исправника. Ясакъ платится разными мѣхами, но соболемъ очень рѣдко. Часть населенія, имѣющая своихъ оленей, числится въ деревняхъ и вмѣстѣ со своею деревнею отбываетъ денежную повинность.

Объѣздъ исправника совершается не каждый годъ, вліяніе его здѣсь уже менѣе замѣтно, и медицинская помощь населенію также еще меньше, чѣмъ въ Камчаткѣ: доктора они не видятъ и фельдшеровъ также нѣтъ. По такой, какъ въ Камчаткѣ, болѣзненности здѣсь не замѣтно, хотя изрѣдка все таки встрѣчались субъекты, пораженные заразительною болѣзнью.

Объ увеличеніи или уменьшеніи населенія трудно судить; хотя встрѣчаются оставленныя юрты, свидѣтельствующія о жизни тамъ, гдѣ ея теперь нѣтъ и хотя весьма вѣроятно, что это есть слѣдствіе вымиранія, но съ другой стороны это можетъ быть также остатокъ отъ переселенія. Выяснить же это намъ не удалось, такъ какъ за мѣстностью, гдѣ встрѣчались брошенныя юрты, не было по берегу уже ни одного инородца, говорившаго по-русски. По словамъ же корякъ, на ихъ памяти нѣтъ измѣненія въ количествѣ населенія, а слѣдовательно, уменьшеніе, если оно и есть, во всякомъ случаѣ не такъ значительно, какъ въ Камчаткѣ, гдѣ сами камчадалы говорятъ, что на ихъ памяти деревня стала меньше отъ вымиранія.

Занятія населенія тѣ же, что и у камчадаловъ: зимою та же охота на звѣря у мужчинъ и тѣ же домашнія занятія и рукодѣлія у женщинъ. Но такъ какъ соболя здѣсь меньше, то мужчины проводятъ меньше времени на охотѣ; они весьма искусны въ изготовленіи различныхъ издѣліи изъ моржевой кости и рога горнаго барана, выдѣлывая изъ нихъ трубки, игрушки, ложки, ковши и т. п. Всѣ мужчины и нѣкоторыя женщины курятъ и нюхаютъ русскій Черкасскій табакъ (махорку). Курятъ табакъ изъ самодѣльныхъ, самой грубой работы, деревянныхъ или весьма изящныхъ трубокъ изъ моржевой кости. Вѣроятно, въ видахъ уменьшенія расхода табаку, помѣщеніе для него въ трубкѣ весьма маленькое. У чукчей были проданы нами обыкновенныя манзовскія (китайскія) трубки, но и онѣ оказались велики и на обратномъ пути мы ихъ видѣли уже налитыми свинцомъ.

У корякъ довольно сильно распространена карточная игра, которую они называютъ „козыркой“. Играютъ они на интересъ и съ большимъ азартомъ.

Лѣтнее время все населеніе проводитъ на рыбныхъ промыслахъ, въ балаганахъ у берега моря и устья своей рѣки. Часть же населенія въ то же время охотится на морского звѣря, главнымъ образомъ на моржа, затѣмъ на нерпу. Для этого они переходятъ на своихъ байдарахъ преимущественно на острова Карагинскій и Вер-

хотурскій и на этихъ островахъ тогда можно встрѣтить представителей различныхъ деревень. Переѣзжаютъ они сюда со всѣмъ семействомъ, собаками и со всѣмъ домашнимъ скарбомъ. Здѣсь балагановъ у нихъ уже нѣтъ и они временно помѣщаются подъ байдарами, надъ которыми иногда растягивается нѣчто въ родѣ палатки, или прямо ставятся большія палатки изъ дриля. Въ сторонѣ горитъ костеръ и надъ нимъ виситъ котелъ для варки пищи; тутъ же растягиваются на столбахъ подъ помостомъ ремни, или укрѣпляются на козлахъ горизонтальныя жерди для подвѣшиванія и просушки рыбы.

Моржей бьютъ, когда они выходятъ на берегъ, бьютъ желѣзными копьями на длинномъ древкѣ, изготовляемыми въ д. Каменской на берегу Охотскаго моря. Шкура съ добытаго моржа сейчасъ же снимается, чистится и сушится; жиръ съ него также снимаютъ и складываютъ въ мѣшки изъ нерпичьей шкуры. Жиръ и мясо ѣдятъ, а клыки или идутъ въ продажу или употребляются на различныя издѣлія. При охотѣ на морскихъ звѣрей употребляются маленькія байдарки (лодки). Байдарка эта имѣетъ около одной или нѣсколько болѣе одной сажени длины и состоитъ изъ двухъ продольныхъ тонепькихъ деревянныхъ брусьевъ, служащихъ верхними краями байдарки, и одного такого же, служащаго ей килемъ. Всѣ эти бруски стянуты вмѣстѣ концами подъ острымъ угломъ; отъ киля къ верхнимъ краямъ идутъ деревянныя же тонепькія распорки; нѣсколько такихъ же укрѣпляется и между верхними краями. Распорки посажены въ пазъ и связаны съ верхними краями китовымъ усомъ. Весь этотъ остовъ обтягивается со всѣхъ сторонъ моржевой или нерпичьей шкурой, а на верху по срединѣ оставляется небольшое круглое отверстіе и въ немъ помѣщается сидѣніе для одного человѣка. Гребутъ однимъ весломъ, съ лопастями на обоихъ его концахъ и такимъ образомъ, имъ дѣйствуютъ поочередно съ обѣихъ сторонъ байдарки. Большія байдарки имѣютъ отъ пяти до восьми сажень длины. Состоятъ также изъ деревяннаго остова, обтянутаго моржевой шкурой и имѣютъ сравнительно узкую корму и широкій, развалистый носъ; на верху онѣ открыты и въ нихъ сдѣлано нѣсколько скамеекъ для сидѣнія. Подымаютъ такія байдарки до 40 человѣкъ или отъ 150 до 200 пудъ.

Рыбу ловятъ сѣтками изъ нитокъ, сученыхъ изъ крапивы. Сѣтка эта имѣетъ своеобразное устройство; она имѣетъ видъ мѣшка, сажень въ 5 длины по открытой сторонѣ и около одной сажени глу-

бины; одинъ край верхней стороны мѣшка въ одномъ мѣстѣ прикрѣпленъ къ окопечности длинной жерди, которая здѣсь поддерживается на водѣ пузыремъ. Такимъ образомъ, дальній конецъ мѣшка жердью отталкивается отъ берега, а верхній край его открытой стороны поддерживается поплавками на поверхности воды; къ ближнему же концу мѣшка прикрѣпленъ ремень, который держитъ въ рукахъ другой рыболовъ. Оба рыболова медленно идутъ по берегу внизъ по теченію рѣки, и рыба, которая въ это время подымается вверхъ, попадаетъ въ мѣшокъ, ее вытаскиваютъ на берегъ и убиваютъ ударами палки по головѣ. Въ рыбной ловлѣ принимаютъ участіе какъ мужчины, такъ и женщины, и женщины даже больше. Пойманную рыбу тотчасъ же чистятъ и для просушки подвѣшиваютъ подъ балаганами.

Зимою на охоту за звѣремъ ходятъ на лыжахъ и бьютъ его тѣмъ же кремневымъ ружьемъ, какъ и у камчадалъ; другихъ ружей у нихъ нѣтъ вовсе и когда имъ показывали стрѣльбу изъ винчестера, они восторгались ружьемъ, удивлялись дальности полета пули, но, однако, никто его не покупалъ.

При охотѣ на соболей кулемки еще употребляются. Цѣны и предметы промысловъ приблизительно тѣ же, что въ Камчаткѣ: соболей добывается меньше, но за то больше лисицъ и песцовъ.

Центромъ торговли служитъ Гижига, куда направляются всѣ мѣстныя произведенія, затѣмъ сел. Каменское и другія на берегу Охотскаго моря, гдѣ есть мелкое русское купечество и довѣренные Филиппеуса. Они также развозятъ товары и собираютъ мѣха. Торговля мѣновая, хотя при оцѣнкѣ товаровъ той и другой стороны за основаніе принимается также стоимость ихъ въ деньгахъ; но цѣны на товаръ, требуемыя купечествомъ, еще дороже, чѣмъ въ Камчаткѣ; такъ фунтъ Черкасскаго табаку стоитъ 1 рубль, бутылка водки—3 рубля, аршинъ дрили—1 рубль и т. п.

Но здѣсь среди самихъ корякъ уже появились купцы, собственно негласные, не платящіе за свидѣтельство, довѣренные русскихъ купцовъ, съ которыми эти непосредственно и имѣютъ дѣло. Во время торговли шхуны всѣ мѣха оказались въ рукахъ нѣсколькихъ такихъ торгашей, а другіе если и принимали участіе въ торговлѣ, то уже послѣ нихъ и продавали преимущественно что нибудь изъ своего скарба, вещи въ сущности имѣющія ничтожную цѣну: выпоротки, ремни изъ перпичьихъ шкуръ, старыя куклянки, старыя торбаза, унты и т. п.

Способъ торговли у мѣстныхъ торгашей уже совершенно выра-

ботался: обыкновенно на разостланныхъ оленьихъ или медвѣжьихъ шкурахъ выкладываются товары, идетъ продолжительный торгъ и, наконецъ, начинается отсчитываніе и отмѣриваніе съ другой. Но, судя по недовѣрію, съ которымъ эти торгаши относились къ мѣрѣ и вѣсу, можно думать, что русское купечество, при высокой цѣнѣ своихъ товаровъ, кромѣ того ведетъ дѣла свои съ ними не безгрѣшно. Гижигинскій исправникъ, въ отчетѣ за 1880 годъ, говоря о ходѣ торговли и результатахъ долговой системы въ западной части своего округа, такъ характеризуетъ отношенія между купечествомъ и инородцами: онъ говоритъ, что нерѣдко тунгузъ по окончаніи промысла бѣлки возвращается „обременепный“ сумками, разсчитавшись же съ купцомъ, оказывается еще за старое въ долгу у него и за свой годовой промыселъ получаетъ ничего не стоющій шарфъ или обыкновенный крестьянскій платокъ.

Товары, вымѣненные отъ инородцевъ шхуною, начиная съ дер. Карагинской и до Анадырской губы, были болѣе или менѣе одни и тѣ же. Оленные коряки со своими табунами лѣтомъ выходятъ къ морю и такимъ образомъ, и они принимали участіе въ торговлѣ здѣсь. Главные вымѣненные товары были: куклянки двойныя и односторонпія, лисицы, песцы, соболя, а затѣмъ торбаза, упты, комлейки, оленьи шкуры, выпоротки, рукавицы изъ оленьей шкуры, медвѣжьи шкуры, моржевые клыки, ремни изъ нерпичьей и моржевой кожи, мѣшки изъ нерпы, волчьи шкуры. У чукмарей куплепъ былъ китовый усъ съ найденнаго ими падшаго кита.

Въ обмѣнъ за этотъ товаръ они брали Черкасскій табакъ, кирпичный чай, сахаръ (кромѣ нѣкоторыхъ чукмарей, которые чаю не знаютъ), порохъ, свинецъ, дрпль, ситецъ, ножи, иголки, подпилки, муку, топоры и немного водки. Вообще водки спрашивали здѣсь очень мало,— американцы здѣсь не бываютъ—и можно хорошо торговать безъ нея.

Цѣнили свои товары инородцы такъ: куклянки 10—15 р. Лисицы красныя—3 р. Сиводушки—8 р. Песцы—1 р. Соболя 15—20 рублей. Волчья шкура—5 р. Но при торговлѣ на товары и высокой оцѣнкѣ привозимыхъ товаровъ на сѣверѣ, они приходились шхунѣ, собственно говоря, по слѣдующимъ цѣнамъ: Куклянки (всего куплено 85 шт.): двойныя по 2 р., односторонпія—60 к.; лисицы: чернобурыя—3 р. 50 к.; красныя—71 к. Сиводушки — 1 р. 80 к. песцы—по 26 к. Соболя по 5 р. 73 к. Цѣны, которыя платились за другіе товары, ограничиваются копѣйками, такъ: за торбаза, правда пошенные, но у нихъ новыхъ для продажи и не заготовляется,

платилось по 39 к., волчью шкуру—50 к. и т. п. Какъ видно, цѣны, уплаченныя за вымѣненные товары, не высоки, но все таки торговля со времени выступленія изъ Петропавловска 6 іюня и по 24 іюля, для вступленія въ Анадырскую Губу (всего 47 дней) была бы для шхуны невыгодна и врядъ ли окупила бы расходы на ея содержаніе, если бы на этомъ берегу не былъ найденъ шхуною китъ, въ количествѣ 2024 фунтовъ, усъ съ котораго по средней цѣнѣ за послѣдніе четыре года (1881—1884) по 4 р. 88 к. за фунтъ далъ 9877 руб.

Но можно выразить увѣренность, что въ будущемъ и здѣсь торговля будетъ лучше, такъ какъ для инородцевъ во всякомъ случаѣ выгоднѣе задерживать свои товары въ ожиданіи прибытія судна чѣмъ, отдавать ихъ русскому купечеству изъ Гижиги и ихъ довѣреннымъ. Теперь они не ожидали судна и всѣ мѣха у нихъ были распроданы.

Оленные коряки и чукчи. Границею между площадями, занятыми кочевьями оленныхъ корякъ и оленныхъ чукчей, можетъ быть принята р. Анадырь. Коряки кочуютъ по южную, а чукчи по сѣверную сторону этой рѣки и на Чукотскомъ полуостровѣ, хотя, конечно, точной границы между ихъ кочевьями не существуетъ.

Зимою съ цѣлью найти для оленей площади корма съ менѣе глубокимъ снѣгомъ, они кочуютъ внутри страны и притомъ на болѣе высокихъ мѣстахъ; а лѣтомъ. спасая оленей же отъ оводовъ и мошкары, они переходятъ частью къ морю и такимъ образомъ намъ случилось видѣть во время экспедиціи много оленныхъ инородцевъ, которыхъ зимою у берега моря не бываетъ.

Кочующіе инородцы живутъ также въ селеніяхъ отъ 2-хъ до 15 и 20 юртъ, но, въ зависимости отъ количества корма для оленей, нѣкоторыя семейства раньше, другія позднѣе перекочевываютъ на новое мѣсто, поселяются отдѣльно или присоединяются къ другимъ селеніямъ и такимъ образомъ, одни селенія увеличиваются, другія уменьшаются, короче селенія эти не имѣютъ постояннаго состава. Селенія слагаются изъ инородцевъ, составляющихъ одинъ родъ, или нѣсколько небольшихъ родовъ случайно соединяются вмѣстѣ, въ одномъ селеніи.

Инородцы эти, какъ язычники, такъ и крещеные, смотря по достатку, выражающемуся въ количествѣ оленей, имѣютъ отъ одной до пяти женъ, каждая жена имѣетъ дѣтей въ среднемъ по четыре, пять человѣкъ; дѣти снова женятся и такимъ образомъ составляется родъ, болѣе или менѣе многочисленный и сильный, что та-

кимъ образомъ находится въ прямой зависимости отъ степени богатства родопачальника. Родъ этотъ уже большею частью держится вмѣстѣ и, перекочевывая, составляетъ одно селеніе.

Юрты въ селеніяхъ чаще ставятся въ одну линію и въ общихъ чертахъ строятся такъ: по окружности круга отъ 4 до 6 саженъ діаметромъ набиваются колья (до 1 сажени высоты), къ кольямъ этимъ на верху прикрѣпляются длинныя жерди, которыя надъ центромъ круга (основанія) связываются вмѣстѣ и весь этотъ остовъ обтягивается сшитыми вмѣстѣ оленьими шкурами; обыкновенно (особенно зимою) натягивается двѣ этихъ покрышки одна на другую, а чтобы шкуры были именно растянуты, жерди, составляющія остовъ верхней части, по своей срединѣ подпираются извнутри другими длинными жердями, упирающимися въ землю въ центрѣ основанія юрты, и этимъ верхняя часть выгибается наружу. Такимъ образомъ, извнѣ юрта имѣетъ куполообразный видъ. На верху, по серединѣ оставляется отверстіе для выхода дыма, а на боковой стѣнѣ входъ, который также завѣшивается оленьими шкурами. Внутри по стѣнѣ часть площади, занятой юртой, обкладывается пластинами дерева, устилается оленьими шкурами и надъ нею навѣшивается пологъ изъ тѣхъ же шкуръ. Пологовъ этихъ въ юртѣ одинъ, два, три, смотря по числу женъ у инородца. Въ немъ помѣщается жена со своими дѣтьми; но это если у хозяина только одна юрта, обыкновенно же каждый глава семейства имѣетъ нѣсколько юртъ и въ каждой изъ нихъ живетъ со своею семьею. По срединѣ юрты горитъ костеръ, а надъ нимъ виситъ котелъ для варки пищи и чайникъ у тѣхъ инородцевъ, которые знаютъ чай, какъ у кочующихъ на верхнемъ теченіи р. Анадырь.

Сбоку по стѣнѣ юрты складываются чемоданы (мѣшки) изъ оленьихъ шкуръ, наполненные этими же шкурами, выпоротками, мѣхами, тутъ же валяется домашняя посуда. Посуда же эта, кромѣ котла и у нѣкоторыхъ чайника, состоитъ изъ деревянной доски, нѣсколько выдолбленной по срединѣ и служащей блюдомъ, затѣмъ ковшей изъ дерева или бараньяго рога, берестяныхъ ведеръ для воды. Топятся юрты старымъ лѣсомъ, выносимымъ рѣками и разбрасываемымъ по берегу моря, или (гдѣ есть) кустарникомъ.

Вообще же юрта, вверху болѣе чѣмъ до половины наполненная дымомъ, какимъ-то особеннымъ запахомъ и грязью, по крайней мѣрѣ на первое время, производитъ непріятное впечатлѣніе и просидѣть даже полчаса въ ней кажется невозможнымъ.

У каждой юрты обыкновенно стоятъ въ рядъ до 10 и болѣе

оленьихъ саней; на саняхъ нагружено все имущество инородца (шкуры, мясо, мѣха, ремни) и всѣ сани накрываются однимъ ковромъ изъ оленьихъ шкуръ. Столько же пустыхъ саней обыкновенно стоитъ прислоненными къ юртѣ, вокругъ нея. При каждой юртѣ есть нѣсколько собакъ, которыя помѣщаются тутъ же въ юртѣ и кормятся изъ той же посуды.

По внѣшности эти инородцы нѣсколько отличаются отъ сидячихъ корякъ болѣе здоровымъ видомъ и немного большимъ ростомъ, хотя въ общемъ не выше средняго; они тѣ же брюнеты съ широкими скулами и слабою растительностью на лицѣ. Мужчины также брѣютъ голову, оставляя вокругъ вѣнчикъ короткихъ волосъ, женщины также носятъ двѣ косы, вплетая въ нихъ нитки бисера. Кромѣ того женщины у чукчей подстригаютъ спереди волосы и напускаютъ ихъ на лобъ. Всѣ замужнія женщины, въ отличіе отъ дѣвушекъ, татуированы. Татуированіе это дѣлается такъ: берутъ иголку съ ниткой, покрытой копотью отъ свѣтильника и пропускаютъ ее подъ кожею, выдѣлывая различные узоры. Узорами этими разрисовываются щеки и кисти рукъ или и вся рука до плеча, кромѣ того на лбу, подбородкѣ и вокругъ носа проводятся линіи. Женщины и нѣкоторые мужчины въ ушахъ носятъ подвѣски изъ бисера, такія же бусы изъ бисера на шеѣ.

Одежда совершенно та же, какъ и у сидячихъ корякъ.

Пища этого населенія, можно сказать, исключительно оленье мясо, затѣмъ иногда моржъ, нерпа, рыба, но если и дѣлаютъ запасы рыбы, то очень небольшіе. Кромѣ того намъ случалось видѣть, какъ пищу, у оленнаго населенія какую-то массу желтаго цвѣта, скатанную въ шаръ и, судя по не совсѣмъ понятнымъ объясненіямъ самихъ инородцевъ, она, вѣроятно, приготовляется изъ жвачки зарѣзаннаго оленя, смоченной оленьимъ молокомъ. Воду для варки пищи зимою получаютъ, растапливая снѣгъ, прорубей же въ рѣкахъ, если онѣ и есть близко, не дѣлаютъ; иногда, какъ это намъ случалось видѣть, они и лѣтомъ такимъ же образомъ получаютъ воду изъ остающагося снѣга, хотя неподалеку была рѣчка.

На время поѣздки дѣлаютъ запасы варенаго мяса, но огня никогда не раскладываютъ и вмѣсто питья ѣдятъ снѣгъ. Мясо варятъ въ котлахъ, получаемыхъ изъ Гижиги или изъ сел. Маркова и ѣдятъ, прямо вынимая его изъ котла руками; тогда, держа мясо за кость, каждый отрѣзаетъ куски его своимъ ножемъ, или же кладутъ на доску и хозяйка разрѣзаетъ его на мелкіе куски, а затѣмъ пьютъ бульонъ ковшами изъ котла. Ѣдятъ непремѣнно ве-

чероmъ, передъ тѣмъ какъ ложиться спать и кромѣ того одинъ или два раза въ неопредѣленное время. Тѣ, которые пьютъ чай, пьютъ его два раза въ день: утромъ и вечеромъ. Пьютъ чай безъ сахару, а сахаръ, который продается при каждомъ кирпичѣ чаю (2 фунта), съѣдаютъ сразу, какъ лакомство.

Языкъ корякъ совершенно отличается отъ языка чукчей, языкъ же этихъ послѣднихъ отъ языка чукмарей. Оленные коряки, въ свою очередь, говорятъ языкомъ, много разнящимся отъ языка сидячихъ корякъ. Но среди этихъ оленныхъ инородцевъ нѣкоторые говорятъ по русски, такъ напр. въ сел. Марково слышна только русская рѣчь. Въ Анадырской Губѣ мы встрѣтили одного порядочно и другого немного говорившаго порусски. Между собственно оленными чукчами есть также, и притомъ больше, понимающихъ или говорящихъ на англійскомъ языкѣ: это тѣ, которые, кочуя, на лѣто выходятъ къ морю на берегахъ Чукотскаго полуострова.

По своимъ религіознымъ воззрѣніямъ всѣ, какъ оленные инородцы сѣвера, такъ и сидячіе чукчи—язычники.

Въ виду того, что вѣрованія ихъ, полныя самыхъ грубыхъ суевѣрій, имѣютъ часто не малое вліяніе на ходъ ихъ жизни, мы считаемъ не лишнимъ нѣсколько остановиться на ихъ религіозныхъ представленіяхъ, съ которыми намъ удалось немного познакомиться.

Они вѣрятъ въ Бога, какъ руководителя вселенной; вѣрятъ въ загробную жизнь, гдѣ предполагаютъ жить такъ же, какъ жили на землѣ, совершенно съ тою же обстановкою, но съ бо̀льшимъ довольствомъ, ожидая имѣть больше оленей и моржей для пищи и звѣря для промысла.

Поклоняются они горамъ, скаламъ, камнямъ, чудотворное значеніе которыхъ освящено временемъ, но болѣе всего почитается ими мѣсто, гдѣ умеръ ихъ родственникъ и гдѣ сожжено его тѣло. Поклоненіе праху родныхъ считается ими настолько важнымъ, что для исполненія этого они дѣлаютъ иногда путешествія за 400 верстъ. Самое же поклоненіе священнымъ предметамъ состоитъ въ жертвоприношеніяхъ, состоящихъ въ приношеніи въ жертву доли и перваго куска отъ зарѣзаннаго оленя. Приносящій жертву подходитъ къ предмету поклоненія, обмазываетъ его оленьимъ жиромъ и съ приговариваніемъ раскладываетъ жертвуемые предметы вокругъ него. На такихъ мѣстахъ можно видѣть цѣлыя груды костей, оленьихъ роговъ и другого хламу. Вообще язычники по своему весьма религіозны, не предпринимаютъ никакого дѣла, не принеся предварительно жертвы, а при гостепріимствѣ ихъ, чтобы

отказаться отъ угощенія не обидѣвъ хозяевъ, достаточно сказать, что по нашей вѣрѣ сегодня грѣхъ ѣсть мясо: тогда они сами тотчасъ отставляютъ въ сторону угощеніе. Но, какъ и у всѣхъ полудикихъ народовъ, наряду съ вѣрованіями находимъ самыя грубыя суевѣрія, имѣющія всетаки религіозную подкладку и нерѣдко не малое значеніе въ ихъ жизни. Такъ, перейдя при перекочевываніи на новое мѣсто, инородецъ прежде всего опредѣляетъ: велитъ ли ему Богъ остановиться здѣсь и для этого приноситъ въ жертву оленя. Бьютъ оленя ножемъ въ сердце и убитый олень непремѣнно долженъ упасть на рану, если же онъ ляжетъ на правый бокъ — это принимается за дурной знакъ и переселяющійся идетъ дальше. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока олень не упадетъ на сердце, а такъ какъ у иного инородца весь табунъ состоитъ изъ 10, 15 оленей, то онъ скорѣе перебьетъ ихъ всѣхъ, чѣмъ не послушаетъ предзнаменованія. Если при выѣздѣ въ путь съ цѣлью перекочеванія или за промысломъ, торговлей и т. п. на своихъ ѣзжалыхъ оленяхъ инородецъ увидитъ, что у него зѣвнулъ олень, онъ лучше отдѣлится отъ своего рода, броситъ предполагавшійся промыселъ, торговлю, но ни за что уже не поѣдетъ во взятомъ имъ направленіи. Они также придаютъ большое значеніе снамъ и, проснувшись поутру, разсказываютъ ихъ, придавая имъ то или другое толкованіе. Есть у нихъ гаданія; такъ по направленію трещинъ въ накаливаемой на огнѣ лопаточной кости оленя они опредѣляютъ то или другое направленіе своего выѣзда, этимъ же опредѣляютъ, съ которой стороны можно ожидать гостя и т. п. Предсказателями, толкователями сновъ и вообще въ значеніи жрецовъ у нихъ являются шаманы. По внѣшнему виду шаманы отличаются отъ другихъ куклянкой, обвѣшанной кистями. Вѣру въ себя шаманъ пріобрѣтаетъ однимъ удачнымъ предсказаніемъ, а затѣмъ рядъ неудачныхъ уже не подрываетъ его авторитета. Обыкновенно одинъ изъ сыновей наслѣдуетъ это ремесло отъ отца. Шаманы вообще пользуются уваженіемъ у инородцевъ; ихъ призываютъ къ больному и въ этомъ случаѣ шаманъ, какъ бы призывая силы на больного, пляшетъ, прыгаетъ надъ нимъ, поетъ и бьетъ въ бубенъ (обручъ, обтянутый пузыремъ оленя).

Православное христіанство между чукчами проповѣдуется въ настоящее время, какъ мы видѣли, миссіонеромъ, живущимъ въ сел. Марково. Чукчи крестятся охотно или, лучше сказать, относятся къ этому индиферентно и рѣдкій придаетъ этому серьезное значеніе. Много времени слушать поученія вѣры они не любятъ и прямо

заявляютъ, что окрестятся, но много разговаривать не надо, а то иначе они уѣдятъ. Насколько успѣшно идетъ распространеніе вѣры можно видѣть изъ того, что по словамъ капитана Шишмарева, командира шлюпа „Благонамѣренный“ въ 1821 году, въ этомъ году среди чукчей уже были крещеные [1]), а между тѣмъ въ настоящее время священникъ считаетъ крещеныхъ всего около 700 человѣкъ [2]).

Но, конечно, это христіане только по спискамъ: они также имѣютъ нѣсколькихъ женъ, не оставляютъ своихъ прежнихъ вѣрованій, зовутъ другъ друга языческими именами и лишь тѣ, которые не успѣли потерять креста, даннаго имъ при крещеніи, этимъ только и отличаются отъ некрещеныхъ, но и для нихъ крестъ—не больше, какъ украшеніе, какъ блестка. Все это весьма естественно: случайно встрѣтившись со священникомъ, язычникъ случайно окрестится, а затѣмъ, перейдя на новое кочевье, онъ, быть можетъ, никогда въ жизни не увидитъ не только церкви, но даже и священника и забудетъ, что былъ когда-то крещенъ. Вообще же къ священнику всѣ относятся съ наружнымъ уваженіемъ, а крещеные при встрѣчѣ подходятъ подъ благословеніе.

Коряки народъ весьма смышленый на видъ и иногда съ нѣкоторою хитростью въ выраженіи лица, но въ общемъ добродушный, гостепріимный; особенно выдающаяся черта ихъ—безпечность.

Чукчи отличаются отъ корякъ воинственностью, судя по вооруженнымъ столкновеніямъ, нерѣдко случающимся между ними. Поводомъ къ такимъ столкновеніямъ служитъ обыкновенно ссора между членами двухъ родовъ изъ-за какого нибудь вздора, украденнаго оленя и т. п. Ссора, особенно подъ вліяніемъ водки, переходитъ въ драку и нерѣдко кончается убійствомъ. Родственники убитаго считаютъ своимъ священнымъ долгомъ мстить за него и, такимъ образомъ, одинъ родъ подымается и выступаетъ противъ другого, дѣло доходитъ до вооруженнаго столкновенія; дерутся на копьяхъ, но иногда въ дѣло идутъ и винчестеры, хотя вообще замѣчено, что тамъ, гдѣ есть эти ружья (особенно у сидячихъ чукчей), войны стали рѣже. Часто однако столкновеніе кончается мировой: родъ наступающій, обиженный требуетъ удовлетворенія, контрибуціи и,

---

[1]) Въ Собраніи сочиненій о Сѣверѣ, стр. 193: Свѣдѣнія о Чукчахъ капитана Шишмарева въ 1821 году.

[2]) Не имѣя возможности даже приблизительно опредѣлить числа всего населенія, ограничиваюсь сообщеніемъ, со словъ священника Шипицына, что однихъ чукчей насчитывается болѣе 10.000 человѣкъ.

если состоится соглашеніе, противная сторона, платитъ каждому изъ пришедшихъ оленя, двухъ. И въ мирное время чукчи не забываютъ драться на копьяхъ, такъ какъ у нихъ бываютъ примѣрные поединки, которые продолжаются до тѣхъ поръ, пока одинъ не сломаетъ или не вышибетъ копья изъ рукъ другого.

Занятія этихъ инородцевъ состоятъ преимущественно въ пастьбѣ табуновъ оленей; лѣтомъ къ этому присоединяется охота на морского звѣря и рыбная ловля; но рыбы запасаютъ вообще не всѣ и сравнительно ничтожное количество. Охотятся на морского звѣря съ винчестеромъ, у кого онъ есть, или бьютъ его стрѣлами и копьями. Зимою же за звѣремъ охотятся очень мало и преимущественно на лисицъ, для которыхъ они разставляютъ капканы у своихъ кочевій, куда лисицы подходятъ за кормомъ. Кромѣ того, въ концѣ іюля и въ августѣ инородцы эти ходятъ за дикимъ оленемъ и бьютъ его винчестеромъ или копьями во время переправы табуновъ черезъ рѣки. Но охотою вообще занимаются болѣе бѣдные или сыновья состоятельныхъ родовъ.

Домашняя работа вся лежитъ на женщинахъ, а глава семейства ведетъ самую праздную жизнь. Вся работа его ограничивается постройкой саней и затѣмъ онъ или, ничего не дѣлая, лежитъ въ юртѣ, или запрягаетъ оленей[1]) и ѣдетъ въ гости иногда верстъ за 50; подъѣхавъ къ юртѣ, ждетъ приглашенія хозяина войти, а если приглашенія не получитъ, поговоритъ съ хозяиномъ, сидя на саняхъ и затѣмъ отправляется въ обратный путь.

Такъ какъ у богатыхъ инородцевъ есть по 10—15, а иногда и болѣе тысячъ головъ оленей и они обыкновенно раздѣляются на нѣсколько табуновъ (5—6), при каждомъ изъ которыхъ живетъ одна жена съ семействомъ, то въ такихъ случаяхъ вся жизнь родопачальника состоитъ въ переѣздахъ отъ одной жены къ другой. Спать ложатся они какъ только сядетъ солнце, спятъ въ пологахъ подъ одѣялами изъ оленьихъ шкуръ, раздѣваясь до нага; встаютъ съ восходомъ солнца и зимою первая работа женщинъ состоитъ въ вытаскиваніи и вытряхиваніи обледенѣлыхъ пологовъ.

Въ день, когда, за неимѣніемъ болѣе корма для оленей, надо перекочевывать на новое мѣсто, глава семьи отдаетъ объ этомъ приказаніе, указываетъ мѣсто, гдѣ остановиться и самъ уѣзжаетъ, а затѣмъ семья собираетъ юрту, укладываетъ на сани, запрягаетъ

---

[1]) Въ сани запрягается два оленя и изъ нихъ правый болѣе смышленый ведетъ сани.

оленей и перекочевываетъ. Обыденная жизнь разнообразится праздниками; опредѣленныхъ праздниковъ у нихъ нѣтъ, а самое большое празднество—это, когда перетелится весь табунъ оленей. Въ день праздника приносятъ жертвы, рѣжутъ и ѣдятъ лучшаго молодого оленя, которымъ они также всегда угощаютъ дорогого для нихъ гостя („сладкимъ мясомъ“— какъ они говорятъ); затѣмъ бѣгаютъ взапуски, пляшутъ, и подъ акомпаниментъ бубна поютъ пѣсни, но пѣсни у нихъ безъ словъ—одни звуки и намъ приходилось слышать довольно сносныя, монотонныя мелодіи. Пляска же ихъ скорѣе какое-то кривлянье, состоящее изъ присѣданій, притоптываній стоя на одномъ мѣстѣ, ногами, встряхиваніи руками и головой и все это сопровождается хриплыми гортанными звуками въ тактъ.

Инородцы эти, какъ сказано, рѣдко имѣютъ одну, чаще же двѣ и болѣе женъ. Многоженство прежде всего объясняется необходимостью имѣть больше рабочей силы и желаніемъ имѣть болѣе сильный родъ. Одна изъ женъ, та, отъ которой родятся первые дѣти, считается старшею, ее всѣ почитаютъ, слушаются и нерѣдко она имѣетъ въ роду болѣе значенія, чѣмъ мужъ. Браки заключаются очень рано, мужчины женятся съ 16 лѣтняго возраста, а дѣвушки выходятъ замужъ даже 12 лѣтъ и бываютъ случаи, когда по неполному развитію жена еще долго остается дѣвушкою.

Прежде вступленія въ бракъ женихъ обыкновенно нанимается къ будущему тестю и живетъ у него 2—3 года въ работникахъ: стережетъ его табунъ, рубитъ дрова и т. п. Если по истеченіи такого срока онъ заслужитъ расположеніе отца невѣсты, ему даютъ согласіе, въ противномъ же случаѣ онъ возвращается домой. Подробнѣе объ обрядности при заключеніи браковъ намъ удалось узнать только то, что во время свадьбы невѣстѣ мажутъ лицо жиромъ оленя, прошиваютъ его (татуируютъ) и затѣмъ вмѣстѣ съ женихомъ водятъ вокругъ юрты. По заключеніи брака, за невѣстою даютъ 2, 3 и болѣе головъ оленей. Жены вообще слушаются своихъ мужей и если случается, что жена полюбитъ другого, то непремѣнно сообщаетъ объ этомъ мужу, тотъ ее отпускаетъ и она дѣлается женою другого. Но если мужъ не любитъ свою жену, онъ выгоняетъ ее отъ себя; въ такомъ случаѣ, если она не найдетъ себѣ другого мужа, идетъ въ работницы, или просто кто нибудь изъ богатыхъ даетъ ей пріютъ у себя и нерѣдко у юрты богача можно встрѣтить нѣсколько такихъ юртъ, гдѣ помѣщаются облагодѣтельствованныя имъ.

При рожденіи каждаго сына, отецъ назначаетъ ему двухъ, трехъ

оленей изъ новотельныхъ, отмѣчаетъ ихъ особымъ клеймомъ на ухѣ; олени эти растутъ, плодятся и еще у молодого мальчика можетъ составиться порядочный табунъ, котораго онъ, женившись, дѣлается владѣльцемъ; кромѣ того, послѣ смерти отца всѣ олени его дѣлятся между сыновьями и, такимъ образомъ, въ богатствѣ и силѣ родовъ является нѣкоторая наслѣдственность.

Нельзя не обратить вниманія на фактъ, что за все время нашего пребыванія среди этого народа мы не встрѣтили ни одного дряхлаго старика. Объясняется это тѣмъ, что ни одинъ изъ этихъ язычниковъ не умираетъ естественною смертью. Обыкновенно къ заболѣвшему призывается шаманъ, который совершаетъ надъ нимъ свои заклинанія, а затѣмъ если это не помогаетъ, черезъ 2—3 дня больной старикъ заявляетъ: зачѣмъ ему мучиться на этомъ свѣтѣ; призываетъ своего старшаго сына, долгъ котораго отправить его на тотъ свѣтъ. Къ больному, лежащему за пологомъ, просовывается копье и самъ старикъ со стойкостью направляетъ остріе его себѣ въ сердце, а сынъ завершаетъ ударъ. Тѣло умершаго сожигается [1]) на кострѣ и вмѣстѣ съ нимъ, согласно ихъ представленію о будущей загробной жизни, сжигаются сани, лукъ, стрѣлы, копье; олени, на которыхъ онъ ѣздилъ, закалываются и совершается тризна.

Старики живутъ лѣтъ до пятидесяти, можетъ быть нѣсколько болѣе и хотя отъ самыхъ старыхъ приходилось всегда слышать, что ему 60 лѣтъ, но вѣрить этому можно съ трудомъ, судя по внѣшнему виду, а также и потому, что у нихъ лѣтоисчисленія нѣтъ. Годъ отсчитывается новолуніями, при чемъ онъ кончается, когда число новолуній обойдетъ „вокругъ человѣка“, считая первый разъ (мѣсяцъ) на второй сгибъ пальца, затѣмъ на его основаніе, потомъ на сгибъ кисти руки, локоть, плечо, голову и такъ до колѣнъ.

Всѣ инородцы, населяющіе сѣверъ, хорошо знаютъ, что они живутъ на Русской землѣ и, по свидѣтельству священника Шипицына, среди нихъ можно встрѣтить такихъ, которые говорятъ, что больше всѣхъ Богъ на небѣ, а потомъ Царь на землѣ. Его Императорское Величество Государя Императора чукчи именуютъ „Тыркэрмепъ“, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ—большой исправникъ. Исправника же они называютъ „Эрменъ“.

Инородцы, кочующіе близъ сел. Марково, платятъ ясакъ, тѣ же, которые кочуютъ далѣе на востокъ и на Чукотскомъ полуостровѣ,

---

[1]) По описанію Норденшельда, они предаютъ землѣ своихъ умершихъ. Легко можетъ быть, что существуетъ и сожженіе и погребеніе умершихъ.

если и платятъ ясакъ, то лишь случайно, когда, бывая въ сел. Марково за торговлей, они встрѣтятся здѣсь съ исправникомъ и тогда они не отказываются платить требуемый съ нихъ ясакъ.

Въ сущности же весь крайній сѣверо-востокъ не знаетъ надъ собою никакой власти и управляется самъ собою. Каждый родоначальникъ есть полноправный властелинъ надъ своимъ родомъ; болѣе богатый, родовитый, а слѣдовательно, и сильный имѣетъ большое вліяніе и на другихъ. Но у нихъ также иногда проявляется самосудъ, примѣръ котораго намъ пришлось слышать въ бухтѣ св. Лаврентія, и хотя это было среди сидячихъ чукчей, но по существу нравы ихъ общи. Въ бухтѣ св. Лаврентія жила семья; отецъ со своими тремя сыновьями занимались грабежемъ какъ своихъ, такъ и оленныхъ чукчей и, наконецъ, сдѣлались нестерпимы всѣмъ. Въ зиму 1884—85 гг. чукчи собрались на совѣтъ и рѣшили покончить съ ними, оставивъ живымъ только одного младшаго брата для поддержки оставшейся семьи.

По общимъ отзывамъ, уменьшенія численности этого населенія не замѣчается; эпидемическихъ болѣзней до сихъ поръ не было. Въ нынѣшнемъ (1885) году въ Нижне-Колымскѣ была первая оспа. Заразительныхъ болѣзней, такихъ, какъ въ Камчаткѣ, на самомъ сѣверѣ нѣтъ. Главныя же болѣзни всѣхъ инородцевъ сѣвера—это болѣзнь глазъ и накожныя болѣзни, покрывающія струпьями тѣло и голову, болѣзнь, отъ которой падаютъ всѣ волосы; затѣмъ встрѣчались какія-то сильныя кровотеченія носомъ и горломъ, очевидно изъ желудка. Послѣднее больше встрѣчалось на берегу Ледовитаго океана, накожныя болѣзни на берегу Берингова моря, а глазныя—повсемѣстно. Кромѣ призыванія шамановъ, инородцы лѣчатся травами, настаивая изъ нихъ декоктъ на водѣ; особенно распространено и цѣнится, какъ лѣкарственное растеніе, имѣющее желтые цвѣты и называемое русскими здѣсь „девятицвѣтникомъ“.

Главный предметъ торговли оленнаго населенія—оленьи шкуры и выпоротки. Шкуры выдѣлываются ими весьма хорошо. При выдѣлкѣ, шкуру прежде всего мочатъ водой, затѣмъ желѣзкой, вставленной въ деревянную рукоять, очищаютъ отъ жира, мажутъ внутренностями изъ оленьихъ кишокъ и скоблятъ камнемъ, также вставленнымъ въ деревянную рукоятку.

Послѣ оленьихъ шкуръ, по количеству предложенія, слѣдуютъ мѣха лисицы и песца, затѣмъ, у проводящихъ лѣто на морскомъ берегу, встрѣчаются моржевые клыки, нерпичьи шкуры, а у нѣкоторыхъ клыки мамонта, собираемые ими по берегамъ рѣкъ.

По съ другой стороны, нѣкоторые изъ этого населенія, какъ не промышленники, сами вымѣниваютъ немного мѣховъ у сидячихъ чукчей, чтобы запастись товаромъ для торговли съ русскимъ купечествомъ въ сел. Марково. Главный же предметъ ихъ спроса черкасскій табакъ (махорка), кирпичный чай, сахаръ, ножи, котлы, чайники, которые они получаютъ изъ Маркова, Гижиги, а нѣкоторые на сѣверномъ берегу изъ Нижне-Колымска, затѣмъ много спрашиваютъ водку, ружья Винчестера и патроны къ нимъ; это привозится къ нимъ сидячими чукчами, а нѣкоторые, кочующіе въ восточной части Чукотскаго полуострова, получаютъ ихъ прямо отъ американцевъ.

Торговля исключительно мѣновая и въ сел. Марково установились такія цѣны: при покупкѣ котловъ, чайниковъ одинъ фунтъ мѣди цѣнится 1 р. 60 к. или за котелъ въ 10 ф. мѣди платятъ 5—6 лисицъ, а тѣ, у кого есть соболя (въ западной части), платятъ соболя. За одну лисицу въ сел. Марковѣ даютъ $1^1/_2$—2 фунта Черкасскаго табаку; кирпичъ чаю отъ двухъ рублей доходитъ до пяти рублей и слѣдовательно, за два кирпича (во Владивостокѣ это стоитъ 90 к.) надо отдать иногда три лисицы и т. п.

Священникъ Шипицынъ выражалъ полную увѣренность, что всѣ русскіе, торгующіе въ сел. Марковѣ, будутъ непремѣнно выѣзжать къ устью р. Анадырь со своими мѣхами, если будутъ знать, что сюда будетъ заходить торговое судно, что̀ капитаномъ нашей шхуны и было обѣщано. Какъ инородцамъ, такъ и торгующимъ, естественно, будетъ выгоднѣе пріобрѣтать товары здѣсь, а не въ Гижигѣ.

Теперь же центромъ торговли для оленнаго населенія является Гижига, частью Нижне-Колымскъ, а больше всего сел. Марково.

Сел. Марково лежитъ на р. Анадырь, верстахъ въ 700 отъ ея устья. Всѣхъ жителей въ селеніи до 400 человѣкъ; ихъ составляютъ: чуванцы около 200 человѣкъ, юкагиры болѣе 100, мѣщане, преимущественно занимающіеся торговлей и три крестьянскихъ семьи. Живутъ здѣсь почти всѣ въ избахъ русской постройки и юртъ очень немного.

Инородцы, живущіе здѣсь, всѣ крещены, забыли свою родную рѣчь и говорятъ только по русски. Въ селѣ есть новая церковь и живетъ священникъ съ причтомъ. Отъ прежней крѣпости Анадырь (примѣрно на полпути отъ Маркова къ устью р. Анадырь) остался только одинъ валъ и въ немъ три юрты сидячихъ чукчей.

Прежде въ окрестностяхъ этой крѣпости ежегодно устраивалась зимою ярмарка; на ярмарку съѣзжались: исправникъ съ казаками

и русскимъ купечествомъ съ одной стороны и чукчи съ другой. Но теперь этой ярмарки не существуетъ и прекратилась она со времени начала дѣятельности американцевъ у нашихъ береговъ, такъ какъ главные промышленники мѣховъ сидячіе чукчи по берегу Чукотскаго полуострова, а они-то теперь и торгуютъ съ американцами.

Но все таки, какъ общее впечатлѣніе, которое производитъ оленное населеніе, можно сказать, что они живутъ безбѣдно и по своему въ хорошей обстановкѣ. На что слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ это на растущее среди нихъ пьянство, какъ слѣдствіе дѣятельности американцевъ у нашихъ береговъ; но объ этомъ ниже. Удешевленіе же для нихъ товаровъ явится само собою, если наши торговыя суда будутъ ходить на сѣверъ и заходить въ Анадырскую губу. Для судовъ же, при ежегодномъ посѣщеніи этой губы, дѣло будетъ, такъ какъ можно съ увѣренностью сказать, что купцы изъ Маркова будутъ выѣзжать по р. Анадырь къ ея устью. Имъ это ничего не стоитъ.

Сидячіе Чукчи живутъ въ незначительномъ числѣ внутри страны, по берегамъ рѣкъ, а большая часть ихъ, и именно тѣ, съ жизнью которыхъ намъ пришлось познакомиться, заселяютъ берегъ Чукотскаго полуострова.

Начиная съ бухты Провидѣнія и до сел. Унырменъ (за мысомъ Сердце Камень) наша шхуна заходила во всѣ селенія и такихъ пунктовъ остановокъ и торговли было 28. Но жители этого побережья не считаютъ себя однимъ народомъ, нѣсколько различаются по типу, называютъ себя разными именами и говорятъ на различныхъ языкахъ.

Главная группа, это живущіе по южному берегу Чукотскаго полуострова до мыса Чаплина и по берегу Ледовитаго Океава отъ мыса Восточнаго далѣе къ западу; это одна народность съ оленными чукчами и составляютъ потомковъ когда-то обѣднѣвшихъ, потерявшихъ своихъ оленей, инородцевъ; они называютъ себя Чахчу. Слѣдующая затѣмъ группа—это живущіе по берегу Берингова пролива: Чахчу ихъ называютъ „Айгопъ“, и наконецъ, третья—населяющіе два селенія на островѣ „Имаклакъ“ (Ратманова) и одно селеніе на мысѣ Восточномъ; языкъ этихъ на столько отличается отъ другихъ, что чукчи всего материка ихъ не понимаютъ; Чахчу называютъ ихъ „Неякъ“.

Сами же они зовутъ себя по мѣсту жительства: такъ на островѣ Ратманова жители называютъ себя „Имаклакъ инъюкъ, что значитъ человѣкъ острова Имаклакъ. Имя же „Чукчи“, принятое у русскихъ

и общее всему этому населенію, быть можетъ происходитъ отъ того, что чукчи, при ѣздѣ на собакахъ, для понуканія ихъ, покрикиваютъ „чукъ-чукъ-чукъ“.

По внѣшнему виду Чахчу (чаучу) ничѣмъ не отличаются отъ оленныхъ: также средняго роста, брюнеты. Жители Берингова пролива отличаются болѣе высокимъ ростомъ и замѣтно болѣе красивою наружностью: это тѣ же брюнеты, но съ болѣе тонкими чертами лица и встрѣчаются нѣкоторые, которыхъ можно назвать положительно красавцами въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Жители острова Ратманова и мыса Восточнаго по типу скорѣе болѣе схожи съ послѣдними, но во внѣшнемъ видѣ рѣзкимъ отличіемъ ихъ служитъ то, что всѣ мужчины на нижней губѣ, подъ углами рта, дѣлаютъ себѣ прорѣзы, въ которыхъ, какъ украшеніе носятъ, стеклянныя призмочки; нѣкоторые, также и женщины, продѣваютъ черезъ посовую перегородку иглу, рыбью кость и т. п.

Мужчины всего побережья брѣютъ головы, оставляя кругомъ вѣнчикъ волосъ; женщины расплетаютъ волосы на двѣ косы и подстригаютъ, спуская ихъ на лобъ; женщины также татуированы; впрочемъ здѣсь, это не составляетъ внѣшняго отличія замужней женщины отъ дѣвушки.

Народъ въ общемъ еще грязнѣе оленныхъ и слова „мыться“ какъ будто вовсе нѣтъ въ ихъ словарѣ.

Одежда сидячихъ чукчей въ общемъ та же, что и оленныхъ, но въ составѣ матеріала одежды мужчинъ замѣчается большая разница: штаны почти у всѣхъ, а куклянка у многихъ, за неимѣніемъ оленьихъ, дѣлается изъ нерпичьихъ шкуръ; куклянка подпоясывается ремнемъ, а ножъ въ чехлѣ подвязывается на бедрѣ ноги. Сапоги у мужчинъ изъ черпеной нерпичьей кожи, у женщинъ такіе же высокіе, но не черпеные и вышитые. Кромѣ того есть куклянки изъ выхухоля, овражковъ. На островѣ Ратманова одежда женщинъ ничѣмъ не отличается отъ одежды мужчинъ и дѣлается изъ нерпичьей шкуры; кромѣ того, здѣсь многіе носятъ куклянки сшитыя изъ шкурокъ съ брюшковъ морскихъ утокъ. На головѣ чукчи носятъ малахаи изъ оленьихъ шкуръ, а неимѣющіе ихъ закрываютъ голову башлыкомъ куклянки. Во время дождей всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины надѣваютъ сверху непромокаемыя куклянки изъ чищенныхъ кишекъ морскихъ звѣрей или горла оленя. Старики, страдающіе глазами, носятъ кожаные козырьки, надѣваемые на голову ремешкомъ. Кромѣ того, многіе носятъ шарфы изъ бѣличьихъ хвостовъ, имѣющихъ видъ нашихъ дамскихъ боа, и

на каждое такое боа идетъ отъ 500 до 600 бѣличьихъ хвостовъ. Если ко всему этому еще прибавить массивную фигуру какого нибудь знатнаго чукчи съ его бритою, откормленною физіономіей и бритымъ затылкомъ, одѣтаго поверхъ всего въ бѣлую, длинную куклянку изъ дрили, то нельзя не согласиться, что, встрѣтившись съ нимъ при другой обстановкѣ, его можно пожалуй принять за католическаго патера, особенно если вы слышите, что онъ перекидывается съ кѣмъ-то на одномъ изъ европейскихъ языковъ. Богатые купцы одѣваются всегда въ оленьи шкуры, при чемъ куклянку носятъ непремѣнно увѣшанною по низу кистями изъ шкуръ молодой перны; штаны изъ шкуръ съ ногъ непремѣнно бѣлаго оленя, также торбаза изъ оленьей кожи. Вообще же, всѣ любятъ украшать свое платье различными побрякушками и лоскутками. Нерѣдко встрѣчаются куклянки съ пришитыми на спинѣ или плечахъ шкурками горностая, овражка и т. п., а жители острова Ратманова и мыса Восточнаго подвѣшиваютъ сзади подъ куклянку хвостъ лисицы или волка. Въ составъ одежды по всему побережью входитъ также много матерій и преимущественно синяя и бѣлая дриль, привозимая американцами. Матерій чукчи не носятъ какъ бѣлье, а надѣваютъ ихъ поверхъ всего, давая имъ покрой обыкновенной куклянки съ башлыкомъ. Кромѣ того многіе носятъ иногда полный костюмъ американскихъ матросовъ, и можно также встрѣтить чукчу, одѣтаго хотя также въ платье изъ перничьей шкуры, но въ европейскаго покроя пиджакѣ, брюкахъ на выпускъ и съ перничьей шапкой съ козырькомъ на затылкѣ, съ сигарой во рту, руками въ карманахъ и вообще по виду напоминающаго совершеннаго янки, при томъ же и хорошо говорящаго на англійскомъ языкѣ.

Какъ сказано выше, населеніе это не говоритъ на одномъ языкѣ и различается три главныхъ нарѣчія. Вотъ нѣсколько словъ, записанныхъ мною изъ нарѣчія Чахчу:

Отецъ — пàпа.	Щека — йльпытъ.
Мать — мàма.	Подбородокъ — уэлькэль.
Голова — тлéутъ.	Рука — мы̀нгытъ.
Глаза — тлѐтлегъ.	Нога — хы̀ткать.
Носъ — ѣкачъ.	Куклянка — йтценъ.
Волосы — кы̀ргуиръ.	Штаны мужскіе — хопя̀нттэ.
Усы — тлѐтлю.	Штаны женскіе — кэ̀ттэ.
Зубы — рйтяите.	Торбаза — прдэ̀китыгэпъ.

Рукавицы — трлэ̀тлэтигэнъ.
Шапка — кэ̀этли.
Козырекъ — у̀тынки.
Бѣлый мѣдвѣдь — иннынгваттэнъ.
Моржъ — тырыкэнъ.
Моржевый клыкъ — ванкэнтэ.
Собака — кы̀тмыкъ.
Лисица — якугнедли.
Песецъ — эдлигаръ.
Юрта — мантыакъ.
Мысъ Чаплина — ярагенъ.
Бумага — кэликэтль.
Море — э̀дльудли.
Хорошо — мэтчы̀нка.
Нѣтъ — у̀инга.
Большой — нмэ̀инкинъ.
Маленькій — нэпплюкке.
Далеко — ия.
Да — йги-йги.
Ступай — тахамъ.

1 — ны̀ннапза.
2 — ны̀ракъ.
3 — нгы̀рокъ.
4 — ны̀ра.
5 — мы̀счингай.
6 — наннмы̀тлингенъ.
7 — йрамитлингенъ.
8 — а̀мгоротки.
9 — унасинка.
10 — мингитка.
11 — ныннанпару.
12 — ныракпару.
13 — нырупару.
14 — ныранару.
15 — кильгинка.
16 — иннопару.
17 — гильныннканниурупару.
18 — тильгинканнарупару.
19 — таупару.
20 — калитчи.

На островѣ Ратманова и на Восточномъ мысѣ (сел. Нуэкэнъ) языкъ совершенно другой и вотъ нѣсколько словъ изъ этого языка:

Человѣкъ — иньюкъ.
Носъ — куклю.
Рука — талэкъ.
Кисть руки — царминженэ.
Нога — ныу.
Собака — кытмыкъ.
Мысъ Чаплина — уважекъ.
Юрта — гыны.
Жители материка (чукчи) — кылауль.

Письменныхъ знаковъ, конечно, вовсе нѣтъ ни у кого, но кромѣ своего языка почти всѣ понимаютъ немного по англійски, даже женщины и дѣти; многіе говорятъ, а нѣкоторые изъ тѣхъ, которые плаваютъ лѣтомъ на американскихъ судахъ или побывали въ С.-Франциско, говорятъ какъ чистокровные американцы.

Вѣрованія и нравы по существу тѣ же, какъ и у оленнаго населенія, но, подъ вліяніемъ американцевъ, все это уже не въ томъ патріархальномъ видѣ. На нихъ видны первые плоды оборотной стороны европейской цивилизаціи и хотя есть многіе, которые по обращенію и манерамъ могутъ быть названы вполнѣ европейцами,

но въ общемъ цивилизація эта сдѣлала для нихъ въ жизни только вредъ. Воровство, которое существуетъ и у оленныхъ, здѣсь не искоренилось, а напротивъ, имѣетъ большее развитіе. Во время торговли шхуны на палубу набиралось до 100 человѣкъ и всякая мелочь, забытая на верху, непремѣнно попадала къ нимъ въ руки. Нравственность женщинъ стоитъ на низкой степени. Въ то время какъ, по словамъ свящ. Шипицына, женщины у оленныхъ чукчей вообще весьма цѣломудренны, эти, напротивъ того, не только приходятъ на судно съ цѣлью продать себя, но даже нерѣдко мужья продаютъ ихъ за бутылку водки.

А до какой степени развито пьянство среди этого народа, можно судить уже потому, что намъ случалось видѣть такихъ, которые постоянно на ремнѣ подъ куклянкой носятъ бутылку водки, отъ времени до времени отпивая изъ нея. Главный предметъ ихъ спроса и болѣе всего цѣнимый товаръ—это именно водка и можно съ увѣренностью сказать, что изъ двухъ судовъ, идущихъ къ чукчамъ, то, которое будетъ нагружено болѣе или менѣе нужными имъ предметами и даже ружьями Винчестера, не будетъ въ состояніи въ два мѣсяца сдѣлать того, что въ двѣ недѣли сдѣлаетъ судно, нагруженное исключительно водкой.

Пьянѣютъ чукчи очень быстро и надо было видѣть, до какого состоянія доходила чуть не вся деревня въ день и на другой день торговли. Это были совершенныя животныя, драки, шумъ, грязь, валяются на землѣ. Пьютъ также и многія женщины.

Но среди этого общаго пьянства есть, однако, люди вовсе не пьющіе. Они обращали на себя наше вниманіе, съ грустью говоря: „вотъ видите какіе чукчи, когда у нихъ есть водка“. Изъ этихъ же трезвыхъ людей выходятъ и мѣстные купцы: они запасаются на зиму отъ американцевъ водкой, распродаютъ ее зимою, скупаютъ товары и такимъ образомъ обираютъ и спаиваютъ своего же брата.

Уильямъ Гильдеръ въ своемъ сочиненіи „Во льдахъ и снѣгахъ“ (стр. 81), отзываясь о чукчахъ, говоритъ такъ: „вообще они честны и справедливы и тѣ пороки и грубые недостатки, которые въ нихъ замѣчаются, они успѣли позаимствовать у бѣлыхъ, съ которыми находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ“ (т. е. отъ американцевъ).

Пищу населенія составляетъ рыба, затѣмъ нерпа, китъ, олень, вымѣниваемый ими у оленнаго населенія, но главною, предпочитаемою всѣмъ другимъ и считаемою самой здоровой пищей служитъ моржъ. Соли въ пищѣ они не употребляютъ и считаютъ ее для себя ненужной.

По общимъ отзывамъ, моржа стало гораздо меньше: чукчи южнаго берега Чукотскаго полуострова принуждены теперь ходить за нимъ въ Ледовитый океанъ, а жители острова Ратманова, его, можно сказать, не видятъ и питаются почти исключительно старымъ мясомъ случайно найденнаго кита, нерпой и морскими птицами. Явленіе это сами инородцы объясняютъ тѣмъ, что „много приходитъ судовъ“. Это понятно само собою, разъ, что въ составъ пищи входитъ китъ, а главную составляетъ моржъ, т. е. именно тѣ звѣри, за добываніемъ которыхъ и приходятъ американскіе китобои къ нашимъ берегамъ. При совершенствѣ же ихъ оружія и многочисленности судовъ (всѣхъ судовъ ежегодно бываетъ около 30 или 35), посѣщающихъ берега, истребленіе звѣря должно идти быстро. Конечно и сами чукчи, заботясь о томъ, чтобы заготовить товаръ къ приходу американцевъ, помогаютъ дѣлу истребленія звѣря. Чтобы судить о размѣрахъ этого хищническаго пользованія промысломъ можно представить слѣдующія соображенія: Во время экспедиціи нашей шхуны ею было скуплено 3500 фунтовъ моржевыхъ клыковъ. Раньше шхуны „Сибирь“ по берегу Чукотскаго полуострова прошло около 35 американскихъ китобойныхъ и торговыхъ судовъ и если, считая тутъ даже и то, что было добыто самими китобоями, каждое судно получило также только по 3500 фунтовъ, то всего получается цифра больше 120.000 фунтовъ клыка или, при среднемъ вѣсѣ пары клыковъ въ 10 фунтовъ, ежегодно избивается около 12.000 моржей.

Инородцы эти живутъ въ селеніяхъ отъ 10 до 20 и 50 юртъ. Юрты снаружи не имѣютъ правильной формы и строятся изъ реберъ кита и жердей, обтянутыхъ моржевыми шкурами или старыми парусами, покупаемыми у американцевъ. На мысѣ Восточномъ и на островѣ Ратманова юрты сложены изъ камня, обсыпаны землей и сверху также покрыты моржевыми шкурами. На зиму нѣкоторые дѣлаютъ другія юрты, остовъ которыхъ составляется изъ реберъ кита, а стѣны выводятся изъ дерна; другіе же обтягиваютъ сверху ту же юрту оленьими шкурами. Внутри каждой юрты есть пологъ изъ оленьихъ шкуръ, который служитъ спальней; посреди юрты горитъ костеръ и виситъ котелъ; тутъ же помѣщается все богатство инородца: добытые имъ мѣха, китовый усъ, моржевые клыки и пр. Здѣсь же живутъ и собаки, но для нихъ иногда строится у юрты небольшая землянка; вообще же въ юртахъ грязь страшная.

Для отопленіи и варки пищи по берегу Ледовитаго Океана до-

статочно выбрасывается моремъ стараго лѣса съ американской стороны. На остальномъ же протяженіи берега дерева почти не выбрасывается и для варки пищи посреди юрты горятъ китовыя или моржевыя кости съ жиромъ. Для освѣщенія, а иногда и варки пищи употребляется свѣтильникъ, который состоитъ изъ глиняной плошки съ налитымъ въ нее первичьимъ жиромъ; фитиль замѣняется мохомъ.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, среди этихъ безформенныхъ юртъ, возвышаются деревянные пакгаузы американской постройки. Такихъ пакгаузовъ по берегу Чукотскаго полуострова семь: въ бухтѣ Провидѣнія—одинъ, на мысѣ Чаплина—два и въ селеніи Угленъ—четыре. Изъ нихъ два на мысѣ Чаплина принадлежатъ мѣстному купцу, богачу чукчѣ Коларэ, имя котораго извѣстно на всемъ полуостровѣ, а остальные принадлежали американцамъ, прежде ежегодно остававшимся здѣсь на зиму для торговли съ чукчами и тогда на флагштокахъ этихъ зданій развѣвался американскій флагъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ берега стали въ послѣднее время изрѣдка посѣщаться нашими крейсерами, пакгаузы эти оставлены и теперь заняты чукчами. Пакгаузы эти мною были осмотрѣны, кромѣ одного въ сел. Угленъ, который былъ запертъ и хотя на требованіе открыть чукчи пошли за ключами, но ходили такъ долго, что, очевидно, ждать было бы напрасно. Ломать же дверь при толпѣ, находившейся въ состояніи опьяненія, было бы, можетъ быть, рискованно. Но чукчи увѣряли, что тамъ ничего нѣтъ, что и вѣроятно, такъ какъ они знали, что конфисковывать у нихъ ничего не будутъ. Въ пакгаузахъ же на мысѣ Чаплина оказался складъ бочекъ въ тридцать американскаго рома (бочки по 7 ведеръ); кромѣ того, чукчи на сѣверномъ берегу говорили, что у Коларэ много рому зарыто подъ землей; въ другомъ его пакгаузѣ оказалось около 10.000 фунт. китоваго уса, что составляетъ отъ 40 до 60 тысячъ рублей, кромѣ того, складъ моржевыхъ клыковъ, ружей Винчестера, патроновъ, пороху, свинцу, затѣмъ капканы, кружки, жестяные тазы, дриль, ситецъ, немного муки и разная мелочь, среди которой есть даже цвѣтные карандаши, такъ что я не нашелъ страннымъ, когда у меня вышелъ весь табакъ и пришлось курить махорку, спросить нѣтъ ли у него сигаръ; но ихъ, къ сожалѣнію, не было. Пакгаузъ состоитъ изъ двухъ комнатъ съ полками, на которыхъ разложены товары, въ окнахъ рамы со стеклами, стѣны обклеены гравюрами изъ американскихъ журналовъ.

Большую часть времени населеніе это проводитъ на промыс-

лахъ, состоящихъ главнымъ образомъ въ охотѣ на морского звѣря съ цѣлью добыванія пищи.

Зимою охотятся на лисицъ и песцовъ, которыхъ ловятъ преимущественно капканами, затѣмъ по льду на лыжахъ ходятъ за моржемъ, нерпой, стрѣляя ихъ изъ винчестера. Убитаго звѣря тащутъ на саняхъ, состоящихъ изъ двухъ полозьевъ, сдѣланныхъ изъ клыка моржа и связанныхъ деревянными брусками. Во время охоты, чтобы не скользить на льду, охотникъ надѣваетъ наколѣнники изъ шкуры медвѣдя.

Лѣтомъ также охотятся за этими морскими звѣрями и, кромѣ того, на кита. Многіе чукчи лѣтомъ, во время прихода американскихъ судовъ, нанимаются на нихъ въ качествѣ матросовъ и гарпунистовъ (гарпунистъ собственно и бьетъ кита: бросаетъ лапцъ). Въ это время они выучиваются англійскому языку и имѣютъ практику въ китобойномъ и морскомъ дѣлѣ. Среди нихъ теперь уже есть самостоятельно занимающіеся китобойствомъ; они обзавелись американскими вельботами, на которыхъ хорошо управляются парусами, кромѣ того, всѣмъ китобойнымъ оружіемъ, и нѣкоторые даже покупаютъ отъ американцевъ китобойные снаряды самыхъ послѣднихъ усовершенствованій.

Торговля у нихъ также, какъ и у другихъ инородцевъ, конечно, исключительно мѣновая и если нѣкоторые знаютъ о существованіи денежныхъ знаковъ вообще, то только объ американскомъ долларѣ, русскаго же рубля никто не видалъ и о немъ никогда не слыхалъ, если не считать нѣсколькихъ мѣдныхъ монетъ временъ Екатерины, которыя намъ случилось видѣть на берегу Ледовитаго Океана, но которыя носятся впрочемъ только какъ украшеніе на шнуркѣ на груди и истинное значеніе этой „побрякушки“ для нихъ извѣстно не было.

Главные предметы, предлагаемые сидячими чукчами для торговли: китовый усъ, моржевый клыкъ, мѣха лисицъ и песцовъ, сапоги изъ нерпичьей кожи, которые они заготовляютъ въ большомъ количествѣ для продажи; затѣмъ сравнительно меньше: куницы, получаемыя отъ американскихъ индѣйцевъ.

По опыту шхуны, цѣны на эти предметы на мѣстѣ были слѣдующія: китовый усъ въ среднемъ по 62 к. за фунтъ, моржевые клыки по 36 к. за фунтъ, лисицы красныя по 1 р. 28 к., сиводушки по 3 р., чернобурыя лисицы около 25 р., песцы бѣлые по 56 к., сапоги нерпичьи по 61 к., куницы приблизительно по 3 р. Среднія цѣны на эти предметы при продажѣ ихъ колебались въ

послѣднее время въ слѣдующихъ предѣлахъ: китовый усъ за 1881—84 года — отъ 3 р. 26 к. до 7 р. 10 к. за фунтъ, моржевые клыки 1 р. 50 к. фунтъ, лисицы красныя отъ 3 р. до 4 р. 50 к., сиводушка отъ 10 до 12 р., песцы бѣлые отъ 1 р. 50 к. до 2 рублей.

По окончаніи экспедиціи г. Линдгольмъ, хозяинъ шхуны предполагалъ имѣть чистой прибыли 6113 р. Но, конечно, при веденіи постоянной торговли съ сѣверомъ и выпискѣ товаровъ съ мѣста ихъ производства доходъ этотъ будетъ еще больше, въ особенности, если въ будущемъ дѣятельность американцевъ здѣсь будетъ уничтожена, что по всѣмъ даннымъ представляется необходимымъ. Тогда у чукчей останется масса ихъ товара, которая теперь промѣнивается исключительно на водку; для пріобрѣтенія болѣе нужныхъ имъ вещей тогда у нихъ всегда хватитъ и еще останется товаровъ; имъ въ сущности будетъ все равно давать ли за покупаемое болѣе или менѣе и если бы и случилось отсутствіе конкурренціи, то для нихъ это не можетъ имѣть такого серьезнаго для жизни значенія, какъ въ Камчаткѣ или у корякъ.

О количествѣ же имѣющагося у нихъ запаса товаровъ можно судить уже по тому, что раньше шхуны „Сибирь“ по берегу прошло около 35 американскихъ судовъ: они успѣли распродать всѣ свои товары. Шхуна „Сибирь“ также хорошо сдѣлала свое дѣло и сдѣлала бы еще больше, если бы у нея былъ больше запасъ спирту. Послѣ торговли шхуны еще два такихъ судна могли бы сдѣлать то же самое, судя по запасу одного китового уса и моржевыхъ клыковъ, оставшихся у населенія.

Главный предметъ спроса у сидячихъ чукчей — водка. Всего шхуною, начиная съ бухты Провидѣнія, продано товаровъ на сумму 5810 р. и въ этой суммѣ спирту на 1641 р. (96 ведеръ изъ 99, бывшихъ на шхунѣ: на всемъ остальномъ побережьи продано $2^1/_2$ ведра); на обратномъ пути многіе уже отказывались торговать потому, что у насъ не было спирту. За спиртомъ, въ меньшемъ количествѣ, но также много спрашиваются ружья Винчестера, затѣмъ много черкасскаго табаку, который они предпочитаютъ американскому, но, къ сожалѣнію, ко времени прибытія шхуны къ чукчамъ весь запасъ табаку былъ уже распроданъ корякамъ, которые его также очень много спрашивали; далѣе спрашиваютъ: свинецъ, порохъ, капсюли къ патронамъ, ножи, иголки, наперстки, спички, дриль синій и бѣлый, ситецъ, топоры, капканы,

подпилки, гребни для волосъ, котлы, бисеръ, кромѣ того нѣкоторые, какъ на островѣ Ратманова, гдѣ уже почти не видятъ моржей, спрашивали муку, крупу. Сахаръ берутъ какъ лакомство, а чай рѣдко кто знаетъ, брали его очень мало и только послѣ того какъ имъ объясняли способъ его приготовленія и давали пробовать.

И такъ лѣтомъ сидячіе чукчи ведутъ торговлю съ американцами; во второй же половинѣ іюля и въ августѣ, часть ихъ расходится для торговли съ оленнымъ населеніемъ; по берегу Ледовитаго Океана они идутъ до Колючинской губы и нѣсколько далѣе, а по южному берегу въ устье рѣки Анадырь и вверхъ по рѣкѣ до ея половины (къ устью р. Бѣлой); сюда на лодкахъ для торговли съ ними спускаются купцы изъ сел. Маркова.

Идутъ чукчи на своихъ байдарахъ подъ парусами, а въ тихую погоду байдары тянутся на бичевѣ собаками. Байдары, также какъ и у корякъ, дѣлаются изъ моржевой шкуры, но онѣ имѣютъ совершенно правильную конструкцію, узкій носъ. Отправляясь на эту торговлю, инородецъ обыкновенно беретъ съ собою всю свою семью.

Оленному населенію сидячіе чукчи развозятъ винчестеры, патроны, а главное, конечно, водку (американскій ромъ). Ромъ этотъ, и безъ того часто разбавляемый американцами водой, разбавляется еще чукчами и нерѣдко просто морской водой; кромѣ того для перевозки чукчи наливаютъ его въ мѣшки изъ нерпичьей шкуры, въ которыхъ прежде былъ отвратительный на запахъ нерпичій жиръ. Мнѣ случилось какъ-то видѣть одинъ изъ способовъ самой разливки водки по мѣшкамъ: не имѣвъ воронки для разливки, но вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь пролить хоть каплю драгоцѣнной влаги, чукча набиралъ полный ротъ ея изъ жестяной банки и затѣмъ бережно переливалъ въ узкое отверстіе мѣшка. Казалось бы, все это должно отбить аппетитъ у потребителей ея; но нѣтъ, водка все таки раскупается прежде всего.

Во время этой торговли сидячіе чукчи выменниваютъ у оленныхъ оленьи выпоротки, шкуры и мясо, котораго дѣлаютъ небольшіе запасы.

Русскимъ купцамъ чукчи предлагаютъ мѣха, дриль, ситецъ и выменниваютъ у нихъ черкасскій табакъ—это главная цѣль поѣздокъ; затѣмъ котлы, гребни и т. п. Кромѣ этой лѣтней поѣздки нѣкоторые ѣздятъ еще зимою въ самое сел. Марково на собакахъ и также главнымъ образомъ за табакомъ. Такимъ образомъ, не смотря

на торговлю американцевъ, чукчи все-таки имѣютъ сношеніе и съ русскимъ купечествомъ.

Дѣятельность американцевъ у нашихъ береговъ. Посмотримъ теперь, что привлекаетъ иностранцевъ къ нашимъ берегамъ и на сколько посѣщенія ихъ необходимы для нашихъ инородцевъ.

Китобойныя и торговыя суда, посѣщающія берега нашего сѣвера, принадлежатъ почти исключительно американцамъ и хотя у чукчей намъ случалось видѣть нѣкоторыя вещи, какъ японскія картинки, сабли, быть можетъ, свидѣтельствующія о посѣщеніи береговъ также японцами, но съ достовѣрностью по однимъ этимъ даннымъ судить нельзя. Всѣ иностранцы извѣстны у чукчей подъ именемъ американцевъ и, судя по ихъ словамъ, здѣсь ежегодно бываетъ отъ 30 до 35 судовъ и въ томъ числѣ 5 или 6 пароходовъ (въ 300 и до 500 тоннъ каждый—какъ мы слышали послѣ). Приблизительно тѣ-же цифры показаны въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, ежегодно печатаемыхъ въ газетѣ „Whaleman's Shipping List". New Bedford.

По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ этой газеты, оказывается, что въ среднемъ всѣми китобоями, идущими на сѣверъ, ежегодно добывается около 300.000 англійскихъ фунтовъ уса и около 20.000 бариллъ жиру [1]), а такъ какъ самый лучшій промыселъ китовъ именно весною во время расхода льдовъ у береговъ Чукотскаго полуострова, когда киты здѣсь сходятся, направляясь въ Ледовитый океанъ, идутъ между льдами и слѣдовательно когда не нужно терять много времени на то, чтобы найти кита, то смѣло можно сказать, что по крайней мѣрѣ половина всего количества добывается именно здѣсь, или всего добывается американскими промышленниками у нашихъ береговъ ежегодно около 150.000 фунтовъ китоваго уса и около 10.000 бариллъ жиру, что въ переводѣ на деньги при средней цѣнѣ англ. фунта уса 4 р. 88 к. и 1 галлона жиру 1 р. 6 к. составитъ сумму 1.066.000 руб. серебромъ. Это ежегодно берется американцами однимъ китовымъ промысломъ. Но цифра эта, конечно, скорѣе меньше истинной: шхуна „Сибирь" скупила на сѣверѣ 5.000 фунтовъ китоваго уса и 2.000 было взято съ падшаго кита. Всего 7.000 фунтовъ китоваго уса. Можно съ увѣренностью сказать, что каждое изъ американскихъ судовъ дѣлаетъ то же самое и тогда, считая только

[1]) Барилль=31½ галлонъ=252 англійскимъ фунтамъ=280 русскимъ фунтамъ=7 пуд.; 1 русскій фунтъ=0,9 англ. ф.; 36 англійскихъ фунтовъ=40 русскимъ фунтамъ.

30 судовъ, уже получаемъ не 150, а болѣе 200 тысячъ фунтовъ уса, которые берутся съ нашихъ береговъ. Если къ этому прибавить еще стоимость вывозимыхъ 120.000 фунтовъ моржевыхъ клыковъ, которые при цѣнѣ въ Японіи одного фунта клыка 1 руб. 50 коп. составятъ 180.000 руб., то одними этими промыслами американцами берется съ нашихъ береговъ ежегодно болѣе 1.200.000 руб. серебромъ! Кромѣ того сюда надо прибавить еще торговлю съ чукчами пушниной.

Изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что въ среднемъ за послѣднее время берега наши ежегодно посѣщало 31 судно и такимъ образомъ на каждое судно приходится около 39.000 р. валового сбора—сумма достаточная, чтобы покрыть расходы на содержаніе судна и дать громадный процентъ на затраченный капиталъ. Выгодность очевидна, и понятно, почему американцы, идя въ Ледовитый океанъ, придерживаются именно нашего берега, тѣмъ болѣе, что на американской сторонѣ продажа рома и ружей Винчестера запрещена и строго преслѣдуется.

Но если громадность суммы, взимаемой американцами съ нашихъ береговъ, еще не можетъ послужить основаніемъ къ принятію самыхъ энергичныхъ мѣръ для прекращенія этой дѣятельности, то казалось бы достаточною еще причиною долженъ быть вредъ, больше—опасность, угрожающая жизни населенія сидячихъ чукчей при продолженіи дѣятельности американцевъ. До сихъ поръ намъ приходилось читать и нерѣдко слышать мнѣнія, что прежде чѣмъ уничтожить дѣятельность американцевъ, мы должны привлечь русскихъ къ торговлѣ съ сѣверомъ, чтобы иначе не лишить чукчей подвоза къ нимъ всего необходимаго. Но мы остановимся на вопросѣ: что же это „все необходимое", привозимое американцами чукчамъ?

Главный и даже пожалуй, безъ большой погрѣшности можно сказать, исключительный привозъ американцевъ — это ромъ, которымъ суда запасаются въ Гонолулу.

Вредъ этого привоза очевиденъ самъ собою и о результатахъ его говорилось выше; но не безъинтересно также достоинство этого рома. По словамъ чукчей, ромъ, который они запасаютъ на зиму, часто замерзаетъ, а слѣдовательно, разбавляется водой. Конечно, въ этомъ бѣды нѣтъ; но отъ времени до времени разбавляя его, смотря по количеству его на суднѣ и ходу торговли, чтобы онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, не терялъ своего цвѣта и одуряющаго свойства, его настаиваютъ на американскомъ табакѣ. Существованіе этого факта выведено изъ разсказовъ бывшаго дѣятеля на нашихъ берегахъ, а на

мысѣ Чаплина въ стаканѣ налитаго рома мы видѣли плавающіе листья. Уильямъ Гильдеръ [1]), говоря о посѣщеніи пароходомъ „Роджерсъ“ поста св. Михаила, между прочимъ приводитъ слова г. Лоренца, агента Аляскинскаго Общества. „По его словамъ—говоритъ У. Гильдеръ—та водка, которую привозятъ сюда [2]) китоловы и торговцы, есть самая дешевая и притомъ самая противная по вкусу, какую только можно найти на всемъ земномъ шарѣ; разбавивъ ее въ достаточной мѣрѣ водою для того, чтобы еще болѣе увеличить наживу корыстолюбивыхъ мошенниковъ, въ нее прибавляютъ еще кайенскаго перцу, табачнаго соку и другихъ ѣдкихъ ингредіентовъ и приходится лишь удивляться, какимъ образомъ могутъ люди пить ее безнаказанно, не падая тутъ же на мѣстѣ мертвыми. Всякому понятно, какія послѣдствія влечетъ за собою безмѣрное употребленіе этой отвратительной отравы“.

За ромомъ, по размѣру привоза, слѣдуютъ ружья Винчестера. Дальнобойное ружье для чукчей стало теперь дѣйствительно необходимо, но именно опять таки, какъ результатъ дѣятельности американцевъ, когда сильно выбитъ моржъ и, для добыванія себѣ пищи, инородцамъ, не имѣющимъ ружья, представляются большія трудности. Сами чукчи, заботясь о пріобрѣтеніи клыковъ, бьютъ моржа больше, чѣмъ имъ нужно для пищи, а при скорострѣльномъ свойствѣ ружья Винчестера промышленникъ не такъ заботится о точномъ прицѣливаніи, зная, что онъ сейчасъ же успѣетъ сдѣлать другой выстрѣлъ, въ патронахъ же недостатка быть не можетъ. При такой стрѣльбѣ много ранится звѣря, онъ пропадаетъ и дѣлается остороженъ.

На нашъ взглядъ винчестеръ съ большою пользою для чукчей могъ бы быть замѣненъ нашей драгунской винтовкой системы Бердана; Американскіе винчестеры, по словамъ чукчей, не рѣдко разрываются при стрѣльбѣ.

Затѣмъ многіе сидячіе чукчи, особенно женщины, имѣютъ теперь куклянки изъ дрили или ситцу, американскаго привоза, которыя они всегда надѣваютъ поверхъ своего платья изъ шкуръ. Но какое можетъ имѣть значеніе для здоровья дриль или ситецъ, надѣваемые поверхъ мѣха въ такомъ холодномъ климатѣ, какой на Чукотскомъ полуостровѣ? Это не болѣе, какъ мода.

[1]) Во льдахъ и снѣгахъ — стр. 35.

[2]) Конечно, та же водка привозится и на нашу сторону и даже вѣрнѣе съ нашей уже стороны перепродается на ту.

Потомъ слѣдуютъ: американскій табакъ, порохъ, свинецъ, капсюли для патроновъ, котлы, топоры, ножи, иглы, капканы, ведра, жестяные тазы, глиняныя кружки, бисеръ.

Но американскому табаку чукчи предпочитаютъ русскій (махорку) и, какъ мы видѣли выше, они даже почти исключительно за нимъ ходятъ въ село Марково, а съ сѣвернаго берега нѣкоторые ходятъ въ Колыму. Отсюда во время своихъ поѣздокъ могли бы они брать и порохъ, свинецъ, топоры, ножи, иглы, капканы, ведра.

Котловъ и теперь много русскихъ, а въ жестяныхъ тазахъ и глиняныхъ кружкахъ по характеру ихъ жизни имъ не представляется даже и надобности и мы видѣли эти предметы только въ складѣ у купца Коваре; бисеръ также, конечно, не составляетъ предмета необходимаго въ жизни.

Кромѣ того иногда инородцы, какъ на остр. Ратманова, гдѣ почти не бываетъ моржа, спрашиваютъ теперь муку; они дѣлаютъ изъ нея подболтку на водѣ, которая, конечно, не отличается питательностью и не замѣнитъ избиваемаго моржа. Въ складѣ купца Коваре, на мысѣ Чаплина, мы видѣли запасъ, мѣшковъ въ 40, бѣлой муки, они были получены отъ американца (Макэна), главнаго дѣятеля на берегахъ, въ подарокъ Коваре, какъ его агенту и слѣдовательно, хотя теперь мука немного привозится американцами, но все таки не составляетъ важнаго предмета торговли и „все необходимое“ изъ привоза американцевъ въ сущности сводится къ привозу ружей Винчестера, патроновъ и капсюлей къ нимъ.

Но эти ружья лучше было бы замѣнить ружьемъ Бердана.

Въ подтвержденіе высказаннаго мнѣнія, что продолженіе дѣятельности американцевъ грозитъ опасностью самому существованію сидячихъ чукчей, мы можемъ привести мнѣніе по этому поводу самихъ чукчей всего побережья Чукотскаго полуострова и острова Ратманова.

При общей страсти чукчей къ водкѣ есть между ними люди вовсе не пьющіе и нужно было видѣть энтузіазмъ, съ которымъ они поддерживали высказывавшееся нами мнѣніе о вредѣ дѣятельности у нихъ американцевъ. Они не давали говорить, забѣгая мыслями впередъ и высказывая догадки о томъ, что ихъ ожидаетъ въ будущемъ. Когда они узнавали о цѣли моего прибытія къ нимъ, слова ихъ уже не были простымъ разговоромъ: они обращались въ жалобы. Они сами говорятъ, что ихъ ожидаетъ въ будущемъ голодная смерть и, напримѣръ, на мысѣ Чаплина, въ подтвержденіе своихъ словъ, разсказывали, что въ 1881 г. зимою у нихъ уже былъ

голодъ, они были принуждены идти внутрь полуострова къ оленнымъ чукчамъ и кормиться у нихъ, а фактъ, что за добычей моржа они вынуждены ходить въ Ледовитый океанъ, подтверждается на всемъ южномъ берегу. Случалось съ цѣлью, не высказывая своего мнѣнія раньше, спрашивать о ихъ жизни и, въ объясненіе сравнительно съ прежнимъ худшаго положенія и недостатка пищи, получался одинъ лаконическій отвѣтъ: „Много приходитъ судовъ.“

Такимъ образомъ мы невольно приходимъ къ мысли, что лучше было бы, если бы никто не посѣщалъ береговъ Чукотскаго полуострова, чѣмъ предоставить американцамъ продолжать тамъ свою дѣятельность. Если бы такъ случилось, то, быть можетъ, это возстановило бы бывшую раньше ежегодную ярмарку у старой крѣпости Анадырь, которая, по мнѣнію священника Шипицына, какъ это и понятно, перестала существовать потому, что теперь вся торговля чукчей отвлечена американцами.

Для чукчей конечно было бы желательно, чтобы ихъ берега посѣщались русскимъ купечествомъ, да вѣроятно, иначе и быть не можетъ: выгодность опыта торговли шхуны „Сибирь“, уже послѣ прохода вдоль берега американцевъ, не можетъ не послужить хорошимъ примѣромъ. Если теперь шхуна „Сибирь“ хорошо сдѣлала свое дѣло, то съ уничтоженіемъ дѣятельности американцевъ, торговля, конечно, будетъ давать огромный процентъ. Выгодность этого дѣла свидѣтельствуется уже ежегоднымъ прибытіемъ къ берегамъ Чукотскаго полуострова 30—35 американскихъ судовъ. Они не всѣ китобои и нѣкоторыя изъ нихъ занимаются исключительно торговлей, при чемъ иногда дѣлаютъ даже два рейса. Судамъ, отправляющимся подъ русскимъ флагомъ для торговли съ чукчами, должна быть разрѣшаема, по крайней мѣрѣ на первое время, продажа водки, такъ какъ безъ нея торговля сразу хорошо не пойдетъ. Къ тому же, при всей энергіи преслѣдованія американцевъ, торговля ихъ скоро не можетъ быть уничтожена: они все таки будутъ рисковать и, хотя первое время, привозить ромъ. Но преслѣдованіе дѣятельности иностранцевъ должно вестись непремѣнно съ полною энергіею. Теперь на объявленія наши о запрещеніи торговли и промысловъ, которыя раскленвались въ пакгаузахъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ на сѣверѣ, иностранцы не только не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, но даже скорѣе иронизируютъ надъ ними; мы во время экспедиціи не видали ни одного изъ этихъ объявленій: они всѣ были сорваны.

Въ отвѣтъ на арестованіе лѣтомъ 1884 г. клипером „Разбой-

никъ" шхуны „Софія Джонсонъ", хозяинъ ея (Макэна) на другой годъ купилъ и послалъ большой пароходъ (Allience), заявляя при этомъ чукчамъ, что за то, что русскіе арестовали у него шхуну, онъ еще больше будетъ возить водки и теперь его уже больше не поймаютъ. Вообще надо сказать, не лестныя для насъ мнѣнія внушаются чукчамъ американцами, сущность которыхъ въ томъ, что мы никогда не въ состояніи выполнить того, что говоримъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ, отсутствіе всякаго надзора за нашимъ сѣвернымъ побережьемъ даетъ возможность американцамъ вести выгодную для себя контрабандную торговлю и эксплоатировать наши промыслы въ ущербъ существованію прибрежнаго населенія, короче, дѣятельность американцевъ идетъ противъ тѣхъ началъ, которыя служатъ основаніемъ признанія за государствомъ права на свои береговыя и территоріальныя моря.

Не то мы видимъ на американской сторонѣ: здѣсь установлено постоянное крейсерство у береговъ Берингова моря и Ледовитаго Океана, привозъ водки и винчестеровъ къ инородцамъ сѣвера строго запрещенъ, а на сколько это ведется послѣдовательно, свидѣтельствуется тѣмъ, что назначенный для охраны береговъ крейсеръ „Корвинъ" выходитъ въ море ежегодно одновременно съ китобойными судами и, при обнаруженіи недозволенной торговли, противъ виновника принимаются самыя энергичныя мѣры. Такъ, по словамъ лица очень хорошо знакомаго съ этимъ вопросомъ (американца), „Корвиномъ" въ одно лѣто было арестовано три американскихъ шхуны, замѣченныя въ привозѣ водки и ружей; двѣ изъ нихъ онъ взялъ съ собою въ С. Франциско, а третьей не имѣлъ возможности вести туда: онъ прорубилъ ей дно и потопилъ въ морѣ. Такъ они поступаютъ со своими!

Казалось бы, установленіе крейсерства у нашихъ береговъ также необходимо. Къ такому выводу привело насъ все видѣнное и слышанное въ теченіе двухъ мѣсяцевъ нашего пребыванія среди чукчей и ежедневныхъ съ ними сношеній.

Обратное плаваніе. 8-го сентября, капунъ нашего выхода въ море, мы провели въ работѣ, нагружая шхуну баластомъ и хотя не много очищая ея дно отъ ракушекъ, которыми она страшно обросла во время своего медленнаго плаванія и частыхъ остановокъ. Вечеромъ, въ награду за работу, чукчамъ были сдѣланы кое-какіе подарки, а на другой день утромъ мы вышли изъ бухты Провидѣнія и перешли за Лысую гору, чтобы запастись здѣсь прѣсною водою.

Опрѣснителя у насъ не было и мы все время пользовались во-

дою изъ встрѣчавшихся рѣчекъ и конечно, въ виду случайностей въ морѣ, воду приходилось беречь. Подчиняясь общимъ правиламъ, бѣлье мое приходилось мыть съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ мѣсяцъ только два раза можно было перемѣнить его. Запасаясь водою, ее обыкновенно перевозили съ берега въ одномъ изъ вельботовъ, который хотя не былъ такимъ чернорабочимъ, какъ два другіе, но все таки иногда употреблялся и съ другими цѣлями. Выливъ на него предварительно ведра два морской воды, чтобы нѣсколько его омыть, его брали на буксиръ и, подойдя къ устью рѣчки, помпою накачивали въ него воду, а затѣмъ, тѣмъ же способомъ, изъ него въ бочки, въ которыхъ содержалась прѣсная вода.

Но на этотъ разъ воду нашли въ озерѣ, отдѣлявшемся отъ моря низкимъ, но довольно широкимъ перешейкомъ: пришлось брать съ собою на буксиръ бочки, перекатывать ихъ черезъ перешеекъ къ озеру, тамъ наливать водой и такимъ же образомъ вести назадъ.

Операція эта оказалась не такъ проста: наполненную водою бочку оказалось очень не легко довести до такой глубины въ морѣ, гдѣ она поднялась бы на воду, а еще труднѣе было перевести ее черезъ высокіе буруны, которые прибивали къ берегу, дѣлались все выше и выше отъ усиливавшагося вѣтра. Командѣ, слѣдовавшей примѣру Кустекина, приходилось идти чуть не поплечи въ воду чтобы толкать бочку руками. И это 9 сентября, когда маленькія, защищенныя отъ вѣтровъ бухты уже покрываются льдомъ, а отогрѣться на суднѣ можно также только своимъ собственнымъ теплomъ. Да, не легка служба на такихъ судахъ!

Къ 6 часамъ вечера всѣ шесть бочекъ были налиты водою, раздалась команда капитана, подняли якорь, началась, сопровождаемая какими-то стонами, перенятыми у матросовъ-китайцевъ, работа на суднѣ, шхуна окрылилась парусами и съ попутнымъ вѣтромъ вышла въ море.

Для насъ это событіе, и на суднѣ тотчасъ явилось оживленіе: всѣ рады, что двигаемся на югъ, къ дому! Въ добрый часъ! говоримъ мы.

Погода сегодня хорошая, въ воздухѣ + 0,5°R.

Капитанъ сразу воспрялъ духомъ. Правда, не легка служба его была до сихъ поръ. Держась все время у самыхъ береговъ, нужно было постоянно слѣдить за движеніемъ шхуны, постоянно командуя то вправо, то влѣво, то „такъ держать“ и при томъ то по русски, то по англійски, смотря по тому русскій или иностранецъ стоитъ

на рулѣ и въ то же время торговаться съ чукчами, которые толпою окружали его, оцѣнивать ихъ товары, отсчитывать или отмѣривать свои и всякую купленную мелочь записывать въ памятную книжку для отчета владѣльцу шхуны.

10 сентября. Берега исчезли изъ вида. Въ этотъ день, ясный и солнечный, въ 4 часа дня былъ первый — 0,5°R. морозъ, который на суднѣ чувствуется, конечно, сильнѣе. Мы всѣ уже давно сняли свои европейскіе костюмы и превратились въ тѣхъ дикарей, которыхъ только-что оставили. Постороннему глазу, пожалуй, странно было бы видѣть рулевого или вахтеннаго на европейскомъ суднѣ, одѣтаго въ куклянку съ башлыкомъ, поднятымъ на голову, но трудно выдумать костюмъ, который болѣе бы подходилъ подъ условія нашей обстановки. Попутный вѣтеръ продолжаетъ содѣйствовать успѣху нашего плаванія и мы льстимъ себя надеждой черезъ недѣлю, много черезъ 10 дней быть въ Петропавловскѣ. Но не долго можно было наслаждаться этою мечтою; скоро пришлось убѣдиться, что въ морѣ нѣтъ разсчета времени: уже съ 12-го числа начали дуть сильные встрѣчные вѣтры, которые подымали громадную волну, а затѣмъ смѣнялись полнымъ безвѣтріемъ и мы или, лавируя, сходили съ своего курса или на мѣстѣ качались на старой волнѣ. Такъ продолжалось до 19 сентября. Нужно было уже сокращать расходъ воды и когда черезъ день или два въ третій я спрашивалъ себѣ умываться, мнѣ каждый разъ казалось, что китаецъ-мальчишка, который намъ прислуживалъ, какъ-то съ удивленіемъ смотрѣлъ, что я такъ часто позволяю себѣ эту роскошь. Правда, другіе ее себѣ совсѣмъ не позволяли.

Консервы уже стали выходить, солонина или уже совсѣмъ наскучила или была порядочно попорчена; пришлось довольствоваться только ветчиной; рыба, которой мы также порядочно засолили, скоро сдѣлалась такою, что я каждый разъ заботился о томъ, чтобы поскорѣе ее отставить подальше отъ себя и я никогда не воображалъ, что когда нибудь, хотя невольно, но такъ полюблю нѣмецкій супъ изъ сушеныхъ фруктовъ. Каждый день отмѣчается наше географическое положеніе и каждый день, съ грустью смотря на карту, видишь, что разстояніе до Петропавловска все то же. 19 сентября, наконецъ, подулъ давно желанный попутный вѣтеръ, онъ все усиливается и шхуна быстро подается впередъ... но это также не на долго: барометръ сильно падаетъ и къ ночи на 20 число поднялась погода, которую даже капитанъ сразу согласился назвать

штормомъ; до сихъ поръ, по его мнѣнію, все были только „свѣжіе вѣтра“. Онъ не спитъ цѣлую ночь, но все-таки, если не на верху, то спокойно сидитъ въ каютъ-компаніи и, подъ акомпаниментъ какой-то шведской мелодіи веселаго напѣва, усердно занимается постройкою модели шлюпки, по временамъ лишь прерывая работу, чтобы балансировать въ ту или другую сторону при сильномъ кренѣ судна. По временамъ онъ выбѣгаетъ на палубу и тогда слышится, противъ обыкновенія, его необыкновенно спокойная, и даже съ нѣжностью въ голосѣ, команда, а возвращаясь назадъ, онъ снимаетъ и вытираетъ свои очки, вытряхиваетъ свою мокрую шапку. Однажды, рѣшивъ было, но не сдѣлавъ поворота, онъ возвратился внизъ и заявилъ: „нельзя, нэтъ, шортъ возми, одинъ волна пришолъ, другой не надо!“ Но все это какъ нельзя спокойнѣе. Волны въ свѣжій вѣтеръ всегда вкатывались на палубу, но этотъ разъ онѣ съ нея не сходили. Я какъ-то вышелъ тоже на верхъ полюбоваться картиною, но скоро вернулся мокрый съ головы до ногъ. А посмотрѣть, правда, есть на что! Нависшія громадныя тучи разразились проливнымъ дождемъ и отраженіемъ своимъ окрашиваютъ въ черный цвѣтъ разбушевавшуюся стихію. Вотъ громадная волна надвигается на насъ, сѣдой гребень ея виднѣется много выше надъ палубой и кажется ея одной довольно, чтобы отправить насъ на дно моря, а за нею идутъ еще десятки такихъ. Но нѣтъ, одно мгновеніе и мы уже на верху, на мѣстѣ этой громады, водяной горы, теперь уже глубокая пропасть, а тамъ вдали, уже съ другой стороны судна, виднѣется обратная сторона этой миновавшей пучины. Такъ, чередою одна волна смѣняется другою и нашъ малютка-ботикъ выдерживаетъ, кажется, не равную борьбу съ ними. Иногда, поднятый съ кормы, онъ такъ клюнетъ носомъ, такъ нырнетъ имъ подъ волну, что затѣмъ кажется уже весь долженъ туда пойти; но онъ только лишь вздрогнетъ, какъ будто испуганный чѣмъ-то и снова съ силою вырвется наверхъ. Идти впередъ нельзя, приходится стоять почти на мѣстѣ. Размахи шхуны какъ будто оживили все, что было въ каютъ-компаніи: посуда толкается о бока своего ящика, стулья, сундуки бѣгаютъ съ одного мѣста на другое; платье мое, которое висѣло на стѣнѣ параллельной койкѣ, вычерчивая секторы, хлопаетъ то о свою стѣну, то о койку и, въ довершеніе картины, желѣзная печь пускаетъ свой дымъ не по всегдашнему своему обыкновенію, въ трубу, а въ каютъ-кампанію, заполняя ее чуть не до низу. Да скверно въ это время работать на реяхъ, но непріятно также быть и посторонними зрителемъ всего происходящаго: ходить, конечно,

въ голову не придетъ, да и негдѣ и приходится почти все время, сидя въ каютъ-кампаніи или лежа на своей койкѣ, выжидать, чѣмъ это все кончится. Не разъ придетъ въ голову правда: кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился!.. Такъ продолжалось до утра 22 числа. Къ этому времени вѣтеръ почти стихъ и мы качались на старой волнѣ.

Буря кончилась и шхуна пріобрѣла видъ, какъ послѣ упорнаго боя: паруса пестрѣютъ заплатами и на палубѣ продолжается починка ихъ, а нѣкоторые такъ изорвались, что и чинить нечего: приходится изъ выслужившихъ уже срокъ выкраивать новые паруса. Волною сбило одну шлюпбалку и вельботъ принайтовленъ концомъ, протянутымъ поперегъ палубы съ одного борта на другой. На палубѣ бочки, камни — все разбросано. Во время шторма мы едва не лишились одного матроса, который только-что вышелъ изъ машинной рубки (у лѣваго борта), какъ его ударила волна и перебросила на правый бортъ, здѣсь только за ногу его успѣлъ схватить и спасти другой матросъ. Обѣдать приходилось держа тарелку въ рукахъ и балансируя всѣмъ корпусомъ, но все-таки на долю моего пальто пришлась цѣлая миска супу. Поутру подали чай, онъ мнѣ показался слишкомъ крѣпкимъ и я прошу его разбавить, мальчишка-китаецъ исполняетъ мое желаніе, но приноситъ его такимъ-же чернымъ; оказывается, что единственный нашъ чайникъ разбитъ, чай заваривается въ желѣзномъ нелуженомъ чайникѣ и такимъ образомъ, до Петропавловска, еще недѣлю, вмѣсто чаю надо пить какую-то черную жидкость. Но теперь уже такіе сюрпризы не огорчаютъ. Ко всему можно привыкнуть! Сахару также нѣтъ; на одинъ день у насъ хватило паточныхъ леденцовъ, а потомъ уже эта жидкость пилась безъ всякой приправы. Патока также вышла.

25 сентября почти полное повтореніе той-же картины, но только менѣе продолжительное.

Я везъ съ собою двухъ щенковъ съ Чукотскаго полуострова; они помѣщались въ бочкѣ, открытой съ одной стороны и положенной на бокъ на палубѣ. Бѣдныя маленькія животныя, какъ только ударитъ ихъ волна, мокрыя съ визгомъ бѣгутъ и, дрожа отъ холода, просятся ко мнѣ. Дѣлать нечего, приходится мириться съ неудобствами, приносимыми такими сожителями въ маленькомъ карцерѣ и брать ихъ къ себѣ.

Это уже пятый мѣсяцъ странствованія на шхунѣ, весь мой запасъ книгъ перечитанъ, а нѣкоторыя повторены два раза, перечитано также все, что можно было найти у команды и въ томъ числѣ

даже такія страшныя исторіи, которыхъ теперь и названій не помню; поневолѣ приходится теперь развлекаться по вечерамъ игрой въ „дурачки“ и т. п. съ капитаномъ и мистеромъ Линкольномъ. Съ какимъ увлеченіемъ предаемся мы этому занятію! Но м-стеръ Линкольнъ въ началѣ 10-го часа уже кончаетъ свою игру, чтобы имѣть немного отдыха передъ тѣмъ, какъ вступить на вахту. Онъ непритворно радовался выигрышу послѣдней сдачи и обмѣнявшись пожеланіями „Good night!“ мы оба расходились по своимъ каютамъ, чтобы завтра провести такой же скучный день; а природа, какъ будто, нарочно держитъ насъ: мы уже въ помощь парусамъ разводимъ пары, пускаемъ въ ходъ свою машинку, но все таки рѣдко дѣлаемъ болѣе сорока миль въ сутки и только за два дня до прихода въ Петропавловскъ стали подвигаться нѣсколько быстрѣе.

На шхуну прилетѣлъ и сѣлъ на марсъ соколъ, вѣроятно, увлекшійся преслѣдованіемъ добычи: онъ первый возвѣстилъ намъ о близости земли, а вслѣдъ затѣмъ въ туманной дали начали вырисовываться очертанія береговъ: это вершины Шипунскаго мыса. Всѣ взоры обращены къ нему, но скоро вниманіе отвлеклось другимъ, болѣе знаменательнымъ для насъ событіемъ: одинъ матросъ увидалъ на горизонтѣ судно. Дѣйствительно къ сторонѣ Петропавловска, поставивъ всѣ паруса, подвигалось какое-то судно. Начинаются догадки, кто это можетъ быть, я уже записываю это событіе въ свой дневникъ; не занести этого нельзя: это первое судно, встрѣченное нами за все плаваніе. Общая радость! Но одинъ капитанъ не поддался увлеченію, молча влѣзъ на мачту и, къ разочарованію всѣхъ, разсмотрѣлъ, что это вершина сопки Вилючинской.

На другой день мы были уже близко къ берегамъ. Оттуда на насъ повѣяла струя свѣжаго, здороваго воздуха, приносившаго съ собой смолистый запахъ деревьевъ. Уже давно мы не видали дерева, не дышали такимъ воздухомъ и теперь съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ, полной грудью, впивали въ себя этотъ даръ природы, котораго мы были лишены въ теченіе почти четырехъ мѣсяцевъ плаванія. Все пережитое уже хочется забыть и невольно поддаешься какому-то восторженному настроенію; а тутъ уже солнце скрывается подъ горизонтъ, зажигается Петропавловскій маякъ и посылаетъ намъ свой свѣтъ: съ какою радостію, съ какимъ чувствомъ полнымъ восторга встрѣчаешь этотъ первый лучъ, этотъ первый вѣстникъ близости цивилизованнаго міра!

Къ общему удовольствію капитанъ, не смотря на темную ночь,

сегодня же рѣшилъ войти въ Петропавловскъ, и въ первомъ часу, ночи на 29 сентября мы вступили въ гавань, стали на якорь и давъ свистокъ, подняли на ноги всю массу городскихъ собакъ, возвѣстили городу о своемъ прибытіи.

Наши старые знакомые насъ давно ожидали, а послѣднее время и ждать перестали: до нихъ дошли слухи, что на сѣверѣ погибли двѣ шхуны. Это была правда, но, какъ часто бываетъ, слухъ уклонился отъ истины и одна изъ шхунъ была названа именемъ нашей.

Въ Петропавловскѣ мы пробыли до 5 октября, когда утромъ снялись съ якоря и подъ парами вышли изъ Авачинской губы въ Великій океанъ. Но опять вышли не въ добрый часъ.

Мы предполагали войти въ Охотское море третьимъ проливомъ въ Курильской грядѣ; разстояніе это отъ Петропавловска не болѣе 300 миль и чтобы пройти ихъ, при благопріятныхъ условіяхъ, нужно не болѣе полутора сутокъ, но сильные встрѣчные вѣтры только черезъ недѣлю позволили намъ вступить въ Охотское море. Въ 10 дней мы переплыли это море, которое, противъ всякаго ожиданія, привѣтливо встрѣтило и проводило насъ, но при выходѣ изъ Лаперузова пролива снова дулъ встрѣчный штормовый вѣтеръ, мы повернули назадъ и укрылись за мысомъ Крильонъ.

Вечеромъ вѣтеръ стихъ, но мы занялись неудавшеюся охотою за мало стоющими китами и только на третій день снова снялись съ якоря и ровно черезъ недѣлю, отстоявшись сутки подъ парами на двухъ якоряхъ во время сильной пурги въ одной изъ бухтъ Русскаго острова, 25 октября утромъ вступили на Владивостокскій рейдъ. Здѣсь въ это время стояли суда тихоокеанской эскадры, и намъ пришлось проходить мимо нихъ... Какіе это были все великаны сравнительно съ нашей малюткой шхупой!...

Но вотъ раздается команда капитана, и якорь съ шумомъ опускается впизъ...

Мы дома! Въ жизни второй разъ пришлось мнѣ испытать такое отрадное чувство и трудно сказать, когда впечатлѣніе было сильнѣе: по возвращеніи ли въ составѣ полка изъ кампаніи 1877 — 78 гг. или теперь, когда сознаешь, что это полугодіе, полное одиночества, томительнаго однообразія жизни, невзгодъ, лишеній — уже прошло и я снова возвратился къ людямъ!...

Перепечатано, по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, изъ XXIV тома „Извѣстій“ Общества.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭртелевъПер., д. 11—2.

2007056065